

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXVIII

1897

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИИ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1897

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1897

Графиня Анна-Мария-Ева-Аполония Потоцкая,
урожденная Скумин-Тышкевич

Александр Станислав Потоцкий

Людвиг Скумин-Тышкевич

Констанция Понятовская, урожденная
Чарторыжская

Замок Браницких в Белостоке

МЕМУАРЫ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ.

РЕДИ множества появившихся воспоминаній о наполеоновскомъ времени выдѣляются только выпедшіе «Мемуары графини Потоцкой»¹⁾. Писанные на французскомъ языкѣ, они обнимаютъ эпоху отъ 1794 до 1820 г. и представляютъ блестящую картину всего, что видѣла и слышала молодая, знатная полька въ Варшавѣ, Вѣнѣ и Парижѣ въ эту бурную, ознаменованную великими событіями, эпоху. Она рассказываетъ много новаго о Наполеонѣ и Александрѣ, а также рисуетъ любопытные портреты этихъ свѣтилъ политическаго міра и окружавшихъ ихъ большихъ или меньшихъ звѣздъ: Маріи-Луизы, Мюрата и его жены, Полины Боргезе и ея мужа, маркизы Суза, маршала Даву, Талейрана, графа Нарбона, герцога Бассано, великаго князя Константина, Новосильцева, князя Юсифа Понятовскаго, князя Адама Чарторижскаго, графини Валевской и т. д. Вообще, по живости, свѣжести, рельефности, историческому значенію и литературной формѣ, воспоминанія гр. Потоцкой достойны занять видное мѣсто среди мемуаровъ. Онѣ изданы Казиміромъ Стриенскимъ, сестра котораго находилась компаніонкой у графини Потоцкой, и который лично видѣлъ ее въ 1863 г. уже старухой, но все еще пораженной своими прекрасными, блестящими, выразительными, вѣчно юными глазами. Она сама не сообщаетъ въ своихъ запискахъ, когда она родилась, но, по словамъ ихъ издателя, она появилась на свѣтъ въ 1776, или 1777 году, а

¹⁾ Mémoires de la comtesse Potocka (1794—1820), publiés par Casimir Strienski. Paris. 1897.

умерла 16-го августа 1867 году, въ Парижѣ. Дочь графа Людовика Тышкевича и племянница послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа, княжны Констанціи Понятовской, Анна Тышкевичъ вышла замужъ за графа Александра Потоцкаго, и ея мемуары, оканчивающіеся 1820 годомъ, всецѣло принадлежатъ къ той эпохѣ, когда она была графиней Потоцкой; поэтому ихъ автору и оставлено издателемъ это имя, хотя она впоследствии вышла вторично замужъ за графа Вансовича, бывшаго адъютанта Наполеона I, и болѣе извѣстна въ Парижѣ, какъ графиня Вансовичъ, салонъ которой служилъ однимъ изъ блестящихъ свѣтскихъ центровъ декабрской имперіи. У нея было трое дѣтей отъ графа Потоцкаго: Августъ, Маврикій и Наталія, вышедшая замужъ за князя Сангушку.

Въ жизни графини Потоцкой, умной, свѣтской женщины, славившейся своимъ саркастическимъ остроуміемъ и пламеннымъ патриотизмомъ была романтическая сторона. Она сама въ своихъ мемуарахъ рассказываетъ о платонической ея любви къ графу Ф., а Стріенскій въ своемъ предисловіи и примѣчаніяхъ не считаетъ нужнымъ раскрывать призрачной тайны, которою окруженъ романъ, продолжавшійся много лѣтъ. Но не можетъ быть сомнѣнія, что таинственный графъ Ф. былъ графъ Шарль Флаго-де-ла-Беларди, сынъ аристократа, казненнаго во время террора, и извѣстной романистки, вышедшей вторично замужъ за португальскаго посланника въ Парижѣ, маркиза Суза. Онъ славился своей красотой, побѣдами надъ женскими сѣрдцами и близкими отношеніями къ Гортензіи Богарна, дочери Жозефины, жены брата Наполеона, Людовика, и матери Наполеона III, отъ которой у него былъ сынъ, знаменитый дѣятель декабрской имперіи, Морни. Адъютантъ прежде Мюрата, а потомъ Наполеона, графъ Флагъ во время реставраціи находился въ добровольномъ изгнаніи въ Англіи, гдѣ женился на дочери адмирала Кита; при июльской монархіи онъ былъ членомъ палаты пэровъ и посломъ въ Берлинѣ, а потомъ въ Лондонѣ. Послѣ декабрскаго переворота онъ сдѣлался сенаторомъ и умеръ въ 1870 г. великимъ канцлеромъ ордена почетнаго легіона. По словамъ Стріенскаго, романтическая любовь-дружба Шарля Ф. къ графинѣ Потоцкой, впоследствии графинѣ Вансовичъ, продолжалась всю жизнь, и когда она умерла на восемьдесятъ первомъ, или второмъ году своей жизни, то ей закрылъ глаза этотъ платоническій поклонникъ, произнося иѣжнымъ шепотомъ: «Прощай, или скорѣе, до свиданія, дорогой другъ».

Большую часть той эпохи, которую описываетъ графиня Потоцкая въ своихъ мемуарахъ, она прѣвела въ Польшѣ: именно, въ Вѣлослоскѣ, въ замкѣ ея тетки графини Браницкой, послѣдники которой продали замокъ императору Александру, и гдѣ теперь находится женскій институтъ; въ Пулавахъ, помѣстьѣ князей Чарторижскихъ, откуда всѣ историческія сокровища послѣ событій 1820 г. перене-

сены были въ Парижѣ, а нынѣ находятся въ краковскомъ музеѣ; въ Вилановѣ, имѣніи Потоцкихъ, принадлежащемъ въ настоящее время графинѣ Браницкой, правнучкѣ автора мемуаровъ, и, наконецъ, въ Варшавѣ. Только въпродолженіе короткаго времени она была въ Вѣнѣ и Парижѣ, но эти посѣщенія двухъ главныхъ въ то время европейскихъ центровъ дозволили ей расширить арену своихъ наблюденій и придать общевропейскій характеръ такъ блестяще набросанной ею картинѣ первой четверти XIX вѣка. Хотя ея пламенный польскій патриотизмъ и культъ Наполеона освѣщаютъ эту картину своеобразнымъ колоритомъ, но отъ этого только выигрываетъ яркость красокъ и живость перспективы, тогда какъ правдивость разсказа и точность сообщаемыхъ свѣдѣній нисколько не страдаютъ отъ личныхъ симпатій и антипатій автора; что касается мелочныхъ неточностей, встрѣчающихся въ ея воспоминаніи, то онѣ слишкомъ маловажны, чтобъ подрывать ихъ авторитетъ.

Въ виду историческаго и литературнаго значенія мемуаровъ графини Потоцкой, которые читаются съ большимъ интересомъ, чѣмъ любой романъ, мы познакомимъ съ ними читателей въ пространномъ извлеченіи, пропуская только немногія длинноты и неинтересныя мелочныя подробности, преимущественно относящіяся къ юности графини, а вполне сохраняя не только сущность, но и форму ея любопытнаго разсказа.

I.

Дѣтство и молодость. — Въ Бѣлостокѣ.

1794—1801.

Это было въ 1812 году. Я только что прочла странные мемуары маркграфини Барейтской, сестры Фридриха Великаго, появленіе которыхъ, по словамъ Наполеона, составляло для Бранденбургскаго дома вторую Іену: такъ много эта книга обнаружила низостей и гадостей. Я была тогда молода, и мною овладѣло желаніе писать свои воспоминанія по мѣрѣ того, какъ я буду стариться. Въ тѣ времена еще не фабриковали дюжинами мемуары, а они писались болѣе или менѣе искренно самими ихъ авторами. Мнѣ казалось, что безъ всякаго хвастовства я могла собрать болѣе интересныя матеріалы, чѣмъ добрая маркграфиня, и принялась за дѣло.

Конечно, не всякая можетъ быть сестрой великаго человѣка, и я хорошо понимала, что въ массѣ ея грубыхъ анекдотовъ читатели розыскивали слѣды Фридриха II. Я также была королевской крови, выражаясь стилемъ маркграфини, и хотя никогда не получала пощечины, не ѣла супу съ волосами, не сидѣла подъ арестомъ и

вмѣсто мелкаго, грязнаго нѣмецкаго княжества жила въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ замковъ на континентѣ, но, современница великаго вѣка, я основывала интересъ своихъ воспоминаній на томъ любопытствѣ, которое возбуждала эта славная эпоха.

Нельзя писать мемуары, не говоря о себѣ, и надо начать съ знакомства читателя съ собою, иначе онъ не будетъ къ тебѣ питать никакого довѣрія.

Моя мать была племянницей послѣдняго нашего короля, Станислава-Августа Понятовскаго. Благородная фигура этого государя, его достойная осанка, добрый, меланхолическій взглядъ, серебристые волосы и красивыя, слегка надушенные руки,—все это живо сохранилось въ моей памяти. Эпоха, къ которой относятся мои первыя воспоминанія, совпадаетъ съ третьимъ раздѣломъ Польши. Моя мать послѣдовала за королемъ въ Гродно, куда его побудила перебраться русская партія. Тамъ изъ окна маленькой комнаты, гдѣ я жила съ гувернанткой, я видѣла ежедневно, какъ онъ выѣзжалъ подъ эскортомъ русскихъ солдатъ, которые меня такъ пугали своимъ суровымъ видомъ, что я ни за что не хотѣла выйти изъ дома. Мрачная тишина царила въ замкѣ, гдѣ все семейство короля собралось, чтобъ проститься съ нимъ. Увезенный въ Петербургъ, онъ тяжелой агоніей искушилъ ошибки, совершенныя имъ по волѣ императрицы, и которыми она хитро воспользовалась.

При другихъ обстоятельствахъ Понятовскій достойно занималъ бы престолъ. Его царствованіе составило эпоху въ лѣтописяхъ просвѣщенія; онъ воскресилъ въ Польшѣ вкусъ къ искусству и литературѣ, заглушенный подъ игомъ саксонскихъ курфюрстовъ. Онъ проводилъ время въ кругу ученыхъ и художниковъ, самъ же отличался хорошимъ образованіемъ, утонченнымъ вкусомъ и привлекательными манерами. Бѣгло говори на мертвыхъ языкахъ и на современныхъ нарѣчіяхъ тѣхъ странъ, которыя онъ посѣтилъ, Станиславъ умѣлъ заинтересовать и плѣнить своихъ собесѣдниковъ. Сердце его было доброе, возвышенное; онъ прощалъ врагамъ и не зналъ границы своимъ благодѣяніямъ, но природа, надѣливъ его, какъ частнаго человѣка, столькими дарами, отказала ему, какъ государю, въ томъ, безъ чего нельзя царствовать: въ силѣ характера и твердой волѣ.

По отъѣздѣ короля мы вернулись въ Бѣлостокъ, гдѣ жила моя тетка, краковская кастелянша, вдова графа Браницкаго и сестра короля. Ея мужъ игралъ видную роль въ барской конфедераціи и находился въ числѣ претендентовъ на корону, но когда Понятовскій взялъ верхъ, то онъ удалился въ свои помѣстья и жилъ тамъ по-царски. Я видѣла бѣлостокскій замокъ, еще убранный съ рѣдкимъ великолѣпіемъ. Выписанные за громадныя деньги французскіе обоищники украсили всѣ покои такими зеркалами, мебелью и драпировками, которымъ позавидывалъ бы Версаль. Ничто не могло срав-

ниться съ его обширными залами и сѣнями, украшенными мраморными колоннами. Въ немъ перебивали всѣ знатнѣйшія особы въ Польшѣ и высокопоставленные пріѣзжіе. Императоръ Павелъ еще великимъ княземъ съ женою пробылъ тамъ нѣсколько дней во время своего знаменитаго путешествія по Европѣ. Великолѣпныя садовы и парковъ, богатство оранжерей и многочисленность померанцевыхъ деревьевъ — дѣлали это жилище чисто царственнымъ. При жизни краковскаго кастеляна три труппы: польская, французская и балетная, давали зимой представленія въ театрѣ, вмѣщавшемъ 200, или 400 человекъ зрителей. Этотъ театръ, построенный въ началѣ парка, существовалъ еще при мнѣ.

Вдова графа Браницкаго, прѣстая и скромная въ своихъ вкусахъ, хотя очень щедрая и великодушная, расходовала на добрыя дѣла такія же большія суммы, какъ тѣ, которыя бросала ей мужъ на удовольствія и празднества. Набожная безъ ханжества, добрая безъ слабости, гордая и снисходительная, твердая и отзывчивая, она, казалось, имѣла всѣ добродѣтели и подходила, насколько возможно, къ совершенству на землѣ.

Моя мать, Констанція Понятовская, въ замужествѣ графиня Тышкевичъ, рѣдко покидала эту любимую тетку, и мое дѣтство, а также молодость, мирно протекли въ бѣлостокскомъ замкѣ. Сначала мы проводили зиму въ Варшавѣ, но послѣ 1794 года, то-есть послѣ отъѣзда короля въ Петербургъ, мы уже не покидали замка. Я очень хорошо помню революцію, происшедшую въ продолженіе послѣдней зимы, проведенной въ Варшавѣ: какъ мы прятались въ подвалахъ во время сильной перестрѣлки на улицахъ, потомъ пѣшкомъ пробрались черезъ краковское предмѣстье, усыянное трупами, чтобы достигнуть до замка, въ которомъ находился король. Съ этого дня до ваятія русскими Праги мы не покидали замка, но все, что тогда произошло, не сохранилось въ моей памяти, и я смутно припоминаю, что мать возила меня однажды въ лагерь Костюшки, гдѣ красныя дамы, въ маленькихъ шапочкахъ на-бекрень, возили въ телѣжкахъ землю для постройки укрѣпленій. Утромъ и вечеромъ старая нянька заставляла меня молиться, чтобы Богъ благословилъ наше оружіе, и я повиновалась, не взирая, сознавая, что происходило, и не понимая, почему надо было призывать гнѣвъ Божій на хорошихъ русскихъ офицеровъ, которые гарцовали на прекрасныхъ коняхъ. Когда произошла краковская рѣзня, мои глаза открылись, и я ощутила впервые тѣ патріотическія чувства, которыя передала моимъ дѣтямъ.

Наша революція слѣдовала за французской, но она повела къ полному растлѣнію родины, а Франція стала твердыми шагами приближаться къ славѣ. Въ одномъ обѣ революціи имѣли сходство: тутъ и тамъ возникла эмиграція, но во Франціи въ составъ эмиграціи входили: дворяне, роялисты, духовенство, а у насъ — патріоты, жертвы, изгнанныки.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія Польшу наводнили французскіе эмигранты, и принятые очень радушно поражали всѣхъ своею надменностію. Такъ краковская кастелянша приютила въ Бѣлостоцѣ цѣлую семью Басомпьеровъ, которая кичилась своимъ родствомъ съ маршаломъ этого имени и его дружбой съ королемъ. Для маркиза, графа и другихъ членовъ этой семьи все было недостаточно хорошо, и добрая кастелянша лѣзла изъ кожи, чтобъ имъ угодить: она платила имъ значительную пенсію, устроила имъ красивую виллу, заново обмоблировала ее и т. д., а эти знатные аристократы надменно говорили: «это было бы хорошо для другихъ, но мы привыкли къ нашимъ великолѣпнымъ замкамъ». И затѣмъ слѣдовали безконечные рассказы объ ихъ роскошной жизни во Франціи. Каково же было наше удивленіе, когда Людовикъ XVIII, проѣзжая въ Митаву по приглашенію Павла I, остановился на нѣсколько дней въ Бѣлостоцѣ и объявилъ, что онъ не знаетъ этихъ людей, ни графа, ни маркиза, ни ихъ дамъ, а сопровождавшій его графъ Аварэ объяснилъ, что хотя они дѣйствительно были Басомпьеры, но бѣдная, выродившаяся отрасль знаменитаго рода, и что они никогда такъ хорошо не жили, какъ благодаря щедрости кастелянши. Не смотря на это, добрая женщина продолжала благодѣтельствовать страннымъ эмигрантамъ.

Изъ чувства ли благодарности за чисто царственный приемъ короля въ Бѣлостоцѣ, или по какой другой причинѣ, но графъ Аварэ передъ отъѣздомъ предложилъ мсей матери женить герцога Берійскаго на мнѣ. Не зная, что отвѣтить, она сказала, что я слишкомъ молода, и что она посоветуется съ мужемъ, который не хотѣлъ и слышать о подобномъ планѣ. По его словамъ, во-первыхъ, принцы въ изгнаніи всегда казались болѣе или менѣе авантюристами, во-вторыхъ, по всей вѣроятности, Бурбоны никогда не вернуться во Францію, въ-третьихъ, желая подобнаго брака теперь изъ финансовыхъ соображеній, Бурбоны могли потомъ найти его незаконнымъ, а, въ-четвертыхъ, имѣя единственную дочь, онъ предпочиталъ отдать ее за поляка. Графъ Аварэ былъ очень удивленъ, получивъ такой отвѣтъ, а я узнала объ этомъ предложеніи гораздо поздиѣе. Я не разъ размышляла впоследствии, въ виду возникавшихъ на моихъ глазахъ чрезвычайныхъ событій, что я очутилась бы въ очень странномъ положеніи, еслибъ осуществился этотъ бракъ. Уже тогда Бонапартъ наполнялъ Европу славой своихъ побѣдъ. Столько триумфовъ увѣличивали его чело, такъ счастлива была его звѣзда, что онъ мнѣ казался новымъ Александромъ, или Цезаремъ. Я воспитывалась среди его недоброжелателей, и какъ меня ни сдерживалъ страхъ возбудить неудовольствіе окружающихъ, но я все-таки все болѣе и болѣе восторгалась имъ. Какъ же было бы мнѣ примирить подобныя чувства съ предназначенной мнѣ судьбой? Какъ могла бы я, жена бурбонскаго принца, радоваться каждой новой побѣдѣ Наполеона?

Упомянувъ о моемъ отцѣ, графѣ Людовикѣ Тышкевичѣ, маршалкѣ и гетманѣ литовскомъ, я должна сказать нѣсколько словъ объ его благородномъ характерѣ, тѣмъ болѣе, что я пишу эти воспоминанія для моихъ дѣтей. Во время послѣдняго дѣлежа Польши, онъ примкнулъ къ небольшому числу лицъ, не подписавшихъ акта Тарговицкой конфедерации. Благодаря этому поступку, его состояніе было секвестровано, и онъ твердо перенесъ этотъ плачевный результатъ его патриотизма. Спустя нѣсколько лѣтъ, Литва послала делегацію къ Екатеринѣ съ просьбой сохранить для нея старинный литовскій статутъ. Въ составъ этой депутаціи вошелъ мой отецъ съ нѣкоторыми другими знатными поляками, и императрица приняла ихъ съ той любезностью, которой она умѣла прельщать сердца. Ея дворъ былъ безспорно однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ Европѣ. Балы и праздники слѣдовали одинъ за другимъ. Сама Екатерина пригласила польскихъ депутатовъ разъ навсегда участвовать во всѣхъ придворныхъ приемахъ, и они считали долгомъ являться на каждый изъ нихъ. Только мой отецъ ограничился явкой во дворецъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовало данное ему порученіе. Императрица обидѣлась и рѣзко высказала ему свое удивленіе, что онъ одинъ не обнаруживалъ любопытства увидѣть всѣ чудеса придворныхъ празднествъ. Нисколько не смутившись и какъ бы принимая слова Екатерины за выраженіе особаго благоволенія, отецъ отвѣчалъ, что въ томъ положеніи, въ какомъ находилась его страна, полякъ не могъ скрывать ощущаемыхъ имъ грустныхъ впечатлѣній, и что, по его мнѣнію, не слѣдовало омрачать блестящихъ празднествъ неизбежной печалью. Хитрая императрица, понявъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, воскликнула:

— Я ничто на свѣтѣ такъ не цѣню, какъ независимыя и возвышенныя чувства. Я сочувствую, какъ женщина, тѣмъ несчастьямъ, которыя я, какъ государыня, не могу отвратить изъ политическихъ видовъ.

И снявъ съ себя маленькіе часы, украшенные изумрудами, она подала ихъ моему отцу, въ знакъ своего глубокаго уваженія. На другой день былъ снятъ секвестръ съ его имѣстій.

Въ бѣлостокскомъ замкѣ жила еще одна особа, замѣчательная по своему уму и образованію. Это была дѣвица Дюшенъ, лектриса краковской кастелянши. Истая парижанка, она все читала и все знала, а потому ее называли хлѣбчей энциклопедіей. Она была очень дружна съ моею гувернанткой, я видала ее часто, и ей я обязана болѣею частью того, что я знаю, а г-жа Басомпьеръ, воспитаніе которой было очень запущено, еще болѣею ей обязана, чѣмъ я. Постоянно вращаясь среди этихъ французенокъ, я усвоила себѣ ихъ языкъ и предалась всецѣло ихъ литературѣ. До страсти любили и бесѣды съ ними, то веселыя и забавныя, то занимательныя и полезныя, но всегда живыя.

Жизнь въ замкѣ всѣ вели очень свободную и дѣлали, что хотѣли, цѣлый день, а только въ 3 часа собирались къ обѣду и проводили вечера въ гостиной, гдѣ сначала лектриса читала классическихъ французскихъ авторовъ и новыя книги, въ томъ числѣ сочиненія Шатобриана, а потомъ всѣ разговаривали. Часто краковская кастелянша рассказывала анекдоты о Карлѣ XII, которыя она слышала отъ своего отца, князя Понятовскаго, друга и сподвижника шведскаго короля. Но мнѣ всего болѣе нравился ея рассказъ о какомъ-то шведскомъ астрологѣ, который случайно попалъ въ помѣстье Понятовскихъ, Волчинъ, и предсказалъ при самомъ рожденіи сына князя, Станислава-Августа, что онъ будетъ польскимъ королемъ.

Какое тогда было хорошее время! Во все вѣрили: и въ PROVIDĚНІЕ, что упрощаетъ жизнь, и въ РАЙ, что утѣшаетъ въ горѣ, и въ чудеса, и въ любовь, и въ дружбу, и даже въ благодарность. Также вѣрили въ предчувствія и предсказанія, въ амулеты и элексиры, въ колдуновъ и астрологовъ. Эта вѣра порождала сектантовъ и сумасшедшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мечтателей, поэтовъ и героев. Теперь же крѣпкія головы и глубокіе умы не хотятъ вѣрить ничему, кромѣ повышенія и пониженія фондовъ на биржѣ. А Богъ знаетъ, виждется ли эта вѣра на болѣе надежной основѣ, и не такъ же ли она обманчива?

II.

Замужество.—Жизнь въ Вилановѣ и Пулавахъ.

1802—1803.

Я была единственной дочерью и наследницею двухъ большихъ состояній, носила громкое имя, отличалась пріятной наружностью и получила хорошее воспитаніе, однимъ словомъ, была тѣмъ, что называется прекрасной партией. Четырнадцать лѣтъ я должна была выйти замужъ за князя Станислава Понятовскаго, брата моей матери, но ему пошелъ шестой десятокъ, и онъ былъ длинный, сухой, суровый человѣкъ; я не хотѣла и слышать о немъ и отказалась отъ этого брака, несмотря на всѣ брилліанты и другія прелести свадебной корзины.

Мой умъ и мое сердце были переполнены дѣтской восторженностью. Начитавшись великихъ поэтовъ, я мечтала о герояхъ Расина, или о рыцарѣ, въ родѣ Танкреда. Я жаждала огневой страсти, неогданной любви и великихъ подвиговъ... а потому ждала. Но время шло, и не являлся ни Британикъ, ни Гондалго Кордуанскій, ни даже Грандисонъ; дѣлать нечего, мнѣ приходилось спуститься на

землю и, скрѣпя сердце, выйти замужъ, какъ всё, изъ приличія и по расчету.

Много партій было предложено моимъ родителямъ. Одни женихи не годились имъ, какъ недостаточно блестящіе, а другіе казались мнѣ невозможными. Наконецъ, сдѣлавъ предложеніе графъ Александръ Потоцкій, и такъ какъ онъ, съ своей стороны, былъ также одной изъ лучшихъ партій въ Польшѣ, то дѣло было быстро улажено чрезъ письма, и Потоцкій, прибывъ въ Вѣлостокъ, зналъ заранѣе, что не получить отказа.

Былъ холодный апрѣльскій вечеръ, и такъ какъ я страдала насморкомъ, то мнѣ не позволяли выйти изъ своей комнаты. Неожиданно я услышала звуки почтового рожка и, подбѣжавъ къ окну, увидѣла, какъ молодой человекъ быстро выскакивалъ изъ дорожной коляски передъ подъѣздомъ. Я тотчасъ поняла, что это былъ мой ожидаемый женихъ, и почувствовала что-то въ родѣ страха. Я отдала бы все на свѣтѣ, чтобы отложить наше первое свиданіе, но моего согласія не спросили, и черезъ нѣсколько минутъ вошла въ мою комнату мать, подъ-руку съ графомъ Потоцкимъ.

Онъ только что вернулся изъ далекаго путешествія и сталъ рассказывать намъ много интереснаго о Лондонѣ и Парижѣ. Онъ видѣлъ великаго Наполеона, но о немъ онъ немного распространялся и, казалось, вовсе не восторгался его славой.

Подали чай; мы молча разсматривали другъ друга: я видѣла его, еще юношей, у моей матери, и помнила, что онъ, съ презрѣніемъ молодого франга, не обращалъ вниманія на дѣвочекъ. Теперь мы находились въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда время, покончивъ свое созданіе, какъ бы останавливается, любуясь имъ до той минуты, какъ начнетъ свое разрушающее дѣйствіе. Мы смотрѣли другъ на друга изъ-подлбья съ удивленіемъ и не безъ удовольствія; судьба намъ улыбалась болѣе, чѣмъ мы ожидали. Прошло три недѣли, и намъ казалось, что мы хорошо узнали другъ друга, что мы вполне подходили одинъ другому, хотя ничего въ сущности не было общаго между нашими характерами и вкусами.

Наша свадьба произошла въ Вильнѣ, и въ виду припадка подагры у моего отца обрядъ вѣнчанія совершенъ на дому. При этомъ присутствовалъ отецъ моего мужа, графъ Станиславъ Потоцкій, и онъ такъ скоро соскучился вдали отъ Варшавы, что, спустя нѣсколько дней, уѣхалъ домой и увезъ насъ съ собою.

Мы прибыли въ старую польскую столицу въ самую лучшую пору года и почти немедленно переехали въ Виланово, прекрасное помѣстье Потоцкихъ, близъ Варшавы, гдѣ нѣкогда жилъ Янъ Собѣскій. Помѣстившись въ хорошенькой комнаткѣ, которую мнѣ приготовила свекровь, урожденная княжна Любомірская, я думала, что попала въ рай, такъ какъ, привыкнувъ дома къ строгой экономіи, неожиданно очутилась среди богатства и роскоши.

Не чувствуя страсти къ всему мужу, я, однако, начинала ощущать къ нему привязанность; его родители обращались со мной очень любезно; у нихъ гостила подруга моей юности, г-жа Соболевская, и, повидимому, я должна была быть совершенно счастливою. Но, увы, для моей романической головы не было достаточно тихой, спокойной жизни. Меня мучила мысль, что мужъ не питаетъ ко мнѣ страстной любви.

Однажды, вечеромъ, я гуляла съ нимъ по берегу Вислы, подъ тѣми самыми вѣковыми деревьями, подъ которыми Янъ Собѣскій встрѣчался съ красавицею Маріей. Луна свѣтила, и я находилась въ такомъ сантиментальномъ настроеніи, что стала заволнованнымъ голосомъ говорить мужу о необходимости, для счастья двухъ сердецъ, любить другъ друга страстно и вѣчно. Онъ долго слушалъ меня терпѣливо, потомъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что пора домой, такъ какъ комары ужасно кусаются. Такое хладнокровіе меня оскорбило, и, вернувшись домой, я залилась слезами. Мнѣ казалось, что я самая несчастная женщина на свѣтѣ, и что ни одну жену мужъ не любитъ такъ прозаично, такъ вульгарно.

Съ этой минуты я думала только о томъ, какъ бы возбудить въ мужѣ страсть къ себѣ, и, рѣшивъ, что лучшимъ путемъ было возбудить въ немъ ревность, я написала сама себѣ объясненіе въ любви, при чемъ не только ловко измѣнила почеркъ, но и наполнила письмо саркастическими замѣчаніями объ окружающихъ меня лицахъ. Мужа мнѣ удалось провести, но онъ посмотрѣлъ на письмо съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ и, смѣясь, показалъ его матери, которая обидѣлась невинной шуткой и, заподозрѣвъ происхождение письма, сравнила мой почеркъ съ анонимнымъ посланіемъ и въ концѣ концовъ открыла мистификацію. Для уясненія дѣла ко мнѣ отправили тестя, но я упорно отиѣкивалась, хотя, признаюсь, очень неловко. Старикъ былъ такъ деликатенъ, что не настаивалъ, а когда за допросъ взялся мой мужъ, то я не вытерпѣла и, бросившись передъ нимъ на колѣни, созналась со слезами въ своемъ поступкѣ. Онъ меня простилъ, потому что понялъ цѣль моей дѣтской выходки, но свекровь навсегда ватаила зубокъ противъ меня, приписывая мою выходку страсти къ интригѣ. Вся эта исторія такъ на меня подѣйствовала, что я занемогла, и такъ какъ я находилась въ интересномъ положеніи, то всѣ стали за мной нѣжно ухаживать, хотя я ясно понимала, что свекровь никогда не возвратитъ мнѣ своего прежняго довѣрія. Не смотря на всѣ ея достоинства, она не была въ состояніи понять идеальныхъ стремленій моей души.

Когда я настолько оправилась, что могла переносить тряску экипажа, мы съ мужемъ начали дѣлать отложенные до тѣхъ поръ визиты родственникамъ. Прежде всего мы отправились въ замокъ Ланцуть, гдѣ жила бабка моего мужа, княгиня Любомірская. Она была двоюродная сестра послѣдняго польскаго короля Станислава-

Августа, и, по польскому обычаю, ее всё называли, по званію мужа, княгиней-маршалковой. Трудно было встрѣтить личность, въ которой бы рядомъ съ высокими достоинствами было столько значительныхъ недостатковъ. Она не любила ни своихъ дѣтей, ни свою родину и, постоянно скучая, переѣзжала съ мѣста на мѣсто. Ей было чуждо все, кромя старинныхъ традицій французскаго двора, и, лицезрѣвъ ужасы французской революціи, она ненавидѣла всё новыя идеи. Для нея Наполеонъ былъ маленькимъ Бонапартомъ, дряннымъ проходимцемъ, котораго счастливыя обстоятельства возвели на высоту, гдѣ онъ не могъ долго удержаться. Она носила трауръ по герцогу Англенскомъ и осыпала щедротами французскихъ эмигрантовъ, подобранныхъ ею на большихъ дорогахъ. Среди нихъ первое мѣсто занималъ Лаонскій епископъ, монсеньоръ де-Собранъ, который жилъ постоянно въ ея замкѣ. Изящнѣе и богаче этого аристократическаго жилища я никогда не видывала ни въ какой странѣ.

Обладая сказочными богатствами, княгиня Любомірская окружала себя англійскимъ комфортомъ и французскимъ вкусомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она самымъ достойнымъ образомъ расходовала случайно попавшіяся ей въ руки громадные состоянія. Ея щедроты были тѣмъ замѣчательнѣе, что отличались удивительнымъ благоразуміемъ и имѣли преимущественно предметомъ ея собственныхъ многочисленныхъ вассаловъ. Въ каждой изъ ея деревень были школа, больница, докторъ и акушерка, а одну изъ главныхъ заботъ ея управляющихъ, по ея настоятельнымъ требованіямъ, составлялъ надзоръ за этими учрежденіями. Но, странно сказать, добрая и щедрая къ бѣднымъ княгиня обращалась несправедливо и сурово со своими дѣтьми. Съ первыхъ минутъ нашего знакомства я замѣтила, что она не долюбивала моего мужа, и только, послѣ долгихъ ухаживаній съ моей стороны, старуха простила мнѣ, что я была женой Александра.

Пробывъ въ Ланцутѣ около двухъ недѣль, мы отправились въ Пулавы, великолѣпное помѣстье князя Чарторижскаго, брата княгини Любомірской, котораго, подобно сестрѣ, иначе не называли, какъ княземъ-генераломъ. Его замокъ представлялъ разительный контрастъ съ тѣмъ жилищемъ, которое мы только что покинули. Въ немъ не было ничего элегантнаго, и по всему было видно, что владѣтель желалъ только продолжать древнія традиціи и ничего не измѣнять въ старыхъ обычаяхъ. Все тамъ дышало гостепріимствомъ и сердечнымъ добродушіемъ. Съ первой минуты всякій чувствовалъ себя, какъ дома. Подъ легкомысленной вѣжливостью князь скрывалъ основательныя знанія; отличный ориенталистъ, онъ зналъ нѣсколько языковъ и основательно былъ знакомъ съ всеобщей литературой. Онъ примирялъ всякаго съ избыткомъ своей учености блестящимъ умомъ и веселостью. Я никогда не видала такого остроумнаго человѣка, за исключеніемъ принца де-Линя, и притомъ нашъ князь-генералъ отличался благородной душой и возвышенными чувствами. Если бы

онъ въ ранней молодости не подвергся тлетворному вліянію свѣтскаго общества, то мало людей могло бы съ нимъ сравниться, и его политическое вліяніе не прошло бы столь безслѣдно.

Когда я увидѣла его въ первый разъ, то его маститый возрастъ еще нисколько не отуманивалъ блеска и живости его ума. Это былъ маленькій, сухощавый старичекъ, всегда напудренный, всегда опрятный, всегда нарядный. По какому-то случаю, Іосифъ II пожаловалъ его въ австрійскіе фельдмаршалы, хотя онъ никогда не бывалъ на войнѣ. Но подъ этимъ чужестраннымъ мундиромъ, который онъ постоянно носилъ, было сердце истиннаго патриота. Искренняя доброта выражалась во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и вся страна обожала его. Онъ содержалъ и воспитывалъ на свой счетъ дѣтей многихъ бѣдныхъ дворянъ, слѣдилъ за ихъ умственнымъ развитіемъ и посылалъ ихъ доканчивать свое образованіе за границу. Значительное число замѣчательныхъ людей одолжено было своей высшей культурой такъ называемой Пулавской школѣ, которая имѣла вѣтви во Франціи и Англии. Подобная щедрость подточила его состояніе, и сыновьямъ пришлось уплачивать немало долговъ. Только въ одномъ отношеніи онъ былъ очень экономенъ, именно относительно стола. Самъ князь, по предписанію докторовъ, обѣдалъ всегда въ своей комнатѣ и придерживался строгой діеты, а насъ, садившихся за столь ежедневно около пятидесяти человекъ, кормили очень скромно. Конечно, никто не жаловался, тѣмъ болѣе, что, какъ всѣмъ было извѣстно, на княжеской кухнѣ еще кормили каждый день до ста бѣдныхъ. Онъ же самъ постоянно ходилъ кругомъ стола и развлекалъ гостей веселыми, остроумными шутками. Если же ему случалось встрѣтить управляющаго, то онъ говорилъ ему при всѣхъ со смѣхомъ:

— Что же вы, старый плутъ, все придерживаетесь своей системы: подавать слишкомъ молодое вино и черезчуръ старое мясо?

Жена князя, Изабелла, урожденная графиня Флемингъ, была женщина не безъ достоинствъ. Въ ту эпоху, о которой я теперь говорю, она занимала большую часть дня посѣщеніемъ бѣдныхъ и больныхъ, въ сосѣднихъ деревняхъ, а затѣмъ все остальное свое время посвящала наблюденію за работами въ великолѣпномъ пулавскомъ паркѣ. Въ этомъ паркѣ было много очень интересныхъ построекъ. Самая замѣчательная изъ нихъ была посвящена историческимъ и національнымъ воспоминаніямъ. Это было вѣрная копія съ храма Сивиллы въ Тиволи. Искусный архитекторъ, которому была поручена эта работа, ѣздилъ въ Италію и, на мѣстѣ изучивъ оригиналъ, воспроизвелъ его съ самой пунктуальной точностью во всѣхъ мелочахъ. Одною только онъ не могъ создать—итальянскаго неба, а потому долженъ былъ удовольствоваться въ нашей туманной атмосферѣ громаднымъ стекляннымъ куполомъ.

Въ этомъ зданіи собраны были регалии нашихъ королевъ, драгоценныя украшенія нашихъ королевъ, оружіе нашихъ великихъ пол-

ководцевъ и трофеи, взятые у враговъ. Эта благородная патриотическая коллекція состояла изъ приношеній почти каждой изъ нашихъ знаменитыхъ семей. На фронтонѣ красовалась надпись, свидѣтельствовавшая о нашей славѣ, горькой судьбѣ и надеждахъ: «Прошедшее-будущему». Второе зданіе, называвшееся готическимъ домомъ, представляло живописное соединеніе фламандскаго и мавританскаго стилей. Княгиня соединила тутъ историческіе предметы всѣхъ временъ и націй. Рядомъ съ локономъ волосъ Агнесы Сорель въ великолѣпной рамкѣ, изъ горнаго хрустала, осмыпанной драгоценными камнями, и кубкомъ, служившимъ при вѣнчаніи на царство старинныхъ русскихъ государей и взятымъ поляками въ Москвѣ, находились прекрасный портретъ Рафаеля, писанный имъ самимъ, кресло Шекспира и столъ Вольтера, въ ящикѣ котораго сохранялись письмо Тюренна, фортификаціонный планъ Вобана, молитвенникъ Лавальеръ и автографы всѣхъ французскихъ королей отъ Франциска I до Наполеона.

Нельзя выразить, какъ интересны были бесѣды княгини, которая умѣла отнести къ каждому изъ своихъ сокровищъ любопытный разговоръ; кромѣ того, она много путешествовала, много знала знаменитыхъ людей, и ея личныя воспоминанія возбуждали большой интересъ. Главныя роли въ этихъ воспоминаніяхъ играли Фридрихъ II, императоръ Іосифъ II и австрійскій министръ Кауницъ. Первый ей не очень нравился, какъ нелюбезный, суровый, хотя очень умный собесѣдникъ. Онъ терпѣть не могъ своей жены, и каждый изъ нихъ имѣлъ отдѣльный дворъ и очень рѣдко отзывался другъ о другѣ; такъ, Фридрихъ называлъ свою жену старой душой, а она награждала его названіемъ стараго негодяя, или стараго скряги. Дѣйствительно, по словамъ княгини Чарторижской, кабинетъ короля представлялъ странное зрѣлище въ ту минуту, какъ она его посѣтила: на столѣ, заваленномъ бумагами, стояла тарелка съ вишнями, на которыхъ находилась бумажка съ надписью рукой Фридриха: «я оставилъ восемнадцать штукъ», а рядомъ, на диванѣ, валялся старый мундиръ, дсждавшійся починки. Нечего сказать, курьезный кабинетъ: конечно, Наполеонъ лучше пользовался своимъ правомъ побѣды, чѣмъ Фридрихъ правомъ рожденія.

Княгиня Чарторижская предпочитала прусскому королю Іосифу II, который былъ однимъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени. Княгиня привезла ему письмо отъ его несчастной сестры Маріи-Антуанеты, и онъ принялъ ее очень любезно. Относительно же французской революціи онъ выражался съ удивительнымъ предвзвѣніемъ и однажды сказалъ княгинѣ:

— Дѣла во Франціи пойдутъ все хуже и хуже, пока не явится гениальный человѣкъ, который возьметъ въ свои руки власть и возстановитъ порядокъ. Что же касается до моей сестры, то, по несчастью, ее уже поздно спасти, и она, боюсь, станетъ жертвой своихъ ошибокъ и слабости своего мужа.

Князь Кауницъ славился своей дерзостью, и княгиня рассказывала о немъ курьезный анекдотъ. Отличаясь прекрасными зубами, онъ такъ заботился о нихъ, что послѣ обѣда, не вставая изъ-за стола, и при всѣхъ гостяхъ, онъ чистилъ себѣ зубы щеткой. На мой вопросъ у княгини, какъ могла она стерпѣть такое оскорбительное невѣжество, княгиня отвѣчала:

— Увы, да, въ первый разъ я такъ была поражена, что не нашлась, что сказать, или сдѣлать, но на слѣдующихъ обѣдахъ я всегда вставала передъ десертомъ, подъ предлогомъ головной боли.

Зимой мы вернулись въ Варшаву и жили въ домѣ родителей мужа. Я уже говорила, что любила все необыкновенное и чудесное, а потому, зная, что мой свекоръ былъ массонъ, я съ любопытствомъ спрашивала его о тѣхъ таинствахъ, которыя совершались въ ложѣ Великаго Востока; но онъ не хотѣлъ удовлетворить моего любопытства и все отмалчивался. Наконецъ, я стала такъ упорно къ нему приставать, что онъ согласился повезти меня къ одному знаменитому иллюминату, который показывалъ такія чудеса изъ области невѣдомаго, что рассказать ихъ было невозможно. Я съ удовольствіемъ приняла его предложеніе и уплатила сто дукатовъ, которые, по его словамъ, было необходимо пожертвовать въ пользу бѣдныхъ, для полученія права присутствовать при таинствахъ иллюмината. Въ назначенный день мы всей семьей были во французскомъ театрѣ, и послѣ второго акта я, по предварительному соглашенію со свекромъ, заявила, что у меня болитъ голова, и онъ взялся проводить меня домой. Мы сѣли въ карету и быстро поѣхали. Долго катились колеса то по мостовой, то по мягкой дорогѣ, такъ что я была убѣждена, что мы выѣхали изъ города. Наконецъ, мы остановились и, выйдя изъ кареты, поднялись по темной лѣстницѣ, едва освѣщенной фонаремъ, который держалъ въ рукахъ привратникъ. Очутившись въ маленькой передней, мы долго ждали въ темнотѣ, пока наконецъ раздался гробовой голосъ: войдите! Я задрожала, какъ осенній листъ, и прижалась къ свекру. Мы вошли въ большую комнату, слабо освѣщенную лампою съ абажуромъ, которая стояла на столѣ, покрытомъ чернымъ сукномъ.

За этимъ столомъ сидѣлъ старикъ, съ сѣдыми волосами и въ восточной одеждѣ. Глаза у него были скрыты большими очками, и онъ внимательно читалъ, не обращая вниманія на наше присутствіе. Деревянная чернильница, черепъ и груда большихъ книгъ дополняли убранство стола. Комната же была пустая, и въ ней только обращали на себя вниманіе черная занавѣсъ, повидимому, что-то скрывавшая, и громадное выпуклое зеркало въ рамѣ изъ чернаго дерева. Въ этомъ зеркалѣ, вѣроятно, подумала я, можно видѣть будущее, а за черной занавѣсью являюся видѣнія. Мы подошли къ столу, и свекоръ сказалъ:

— Учитель, вотъ молодая женщина, о которой я вамъ говорилъ,

ея сердце пылает любовью къ ближнему, а умъ жаждетъ свѣта, но такъ какъ она не знаетъ ни по-гречески, ни по-латыни, то говорите съ нею по-французски.

Иллюминать поднявъ голову и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Чего вы желаете, сестра моя?

Искренно говоря, я желала въ эту минуту находиться въ моей гостиной, но я не хотѣла выказать своего смущенія и бросила на свекра умоляющій взглядъ, прося его высказать за меня мои желанія. Онъ понялъ меня и заявилъ, что я желала бы видѣть одно изъ тѣхъ видѣннй, которыя могъ вызывать ученый изслѣдователь невѣдомой области. Тогда иллюминать спросилъ меня, что я желаю видѣть: звѣрей апокалипсиса, умершихъ, или отсутствующихъ. При мысли о мертвыхъ и звѣряхъ я почувствовала холодъ во всемъ тѣлѣ и отвѣтила, что желаю видѣть живыхъ, именно: мать, мужа и госпожу Соболевскую. Онъ удалилъ меня въ темную переднюю, такъ какъ я не могла присутствовать при таинственныхъ приготовленіяхъ, и я нѣсколько минутъ находилась одна среди мрака. Страхъ напалъ на меня; я упрекала себя за преступное любопытство, молила моего ангела хранителя спасти меня и дала обѣщаніе никогда болѣе не предпринимать ничего подобнаго. Спустя нѣсколько минутъ, свекоръ пришелъ за мной, и мы снова очутились передъ иллюминатомъ.

— Сестра, — сказалъ онъ, — ваше желаніе будетъ исполнено, но предупреждаю васъ, что если вы сдѣлаете одинъ шагъ, или скажете хоть одно слово, то все исчезнетъ. Смотрите на занавѣсь и вы сейчасъ увидите любимыхъ вами людей и въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся въ настоящее время.

Старикъ хлопнулъ въ ладоши, черная занавѣсь поднялась, и я увидѣла черезъ облака легкаго пара ту логу, изъ которой я незадолго передъ тѣмъ уѣхала, а въ ней мою мать, мужа и подругу. Я вскрикнула, и занавѣсь тотчасъ опустилась.

— Ну, — сказали мой свекоръ: — вы доказали свое мужество, и потому можно васъ посвятить во всѣ остальные таинства. Пойдемте со мною.

Онъ отдернулъ занавѣсь, и передо мною открылась великолѣпно освѣщенная зала съ прекрасно накрытымъ столомъ, за которымъ сидѣла вся наша семья и значительное число друзей. Я была вѣ себя отъ изумленія и не знала, было ли это видѣніе, или дѣйствительность; но меня тотчасъ всѣ окружили и объяснили, что все это была мистификація, устроенная съ цѣлью вылѣчить меня отъ излишней склонности къ чудесному. Я нимало не обидѣлась и смѣялась больше всѣхъ, но не могу не прибавить, что если бы свекоръ отвезъ меня домой такимъ же таинственнымъ образомъ, послѣ того, какъ я видѣла театральную логу въ облакахъ пара, то я была бы вполнѣ убѣждена, что иллюминаты могутъ вызывать сверхъестественныя видѣнія.

Остальная зима прошла тихо. Семнадцатаго марта я родила своего старшаго сына, Августа, и хотя у меня было потомъ еще двое дѣтей, но я никогда не испытывала такой восторженной радости, какъ услышавъ первый крикъ моего первенца.

Когда я оправилась, то мы зажили съ мужемъ одни въ Натолинѣ, и какъ ни хорошо намъ было у его родителей, а жизнь въ своемъ домѣ оказалась гораздо пріятнѣе. Я тотчасъ принялась подъ руководствомъ свекра украшать это прекрасное помѣстье и даже охотно продавала брилліанты, чтобы покупать мраморъ и бронзу. Мой мужъ, повидимому, раздѣлялъ мои художественные вкусы и, не смотря на свою холодную натуру, враждебную всякому энтузіазму, съ гордостью любовался моею артистическою дѣятельностью въ Натолинѣ.

III.

Александръ I въ Вилановѣ.—Вступленіе Наполеона въ Варшаву.

1805—1806.

Однажды, вечеромъ, мы спокойно пили чай въ Вилановѣ, какъ неожиданно мой мужъ получилъ письмо, которое его очень удивило, и когда я спросила, въ чемъ дѣло, то онъ предложилъ мнѣ отгадать, какой гость пріѣдетъ къ намъ на другой день. Какъ я ни ломала себѣ головы, но не могла разрѣшить этой загадки. Дѣйствительно, невозможно было напасть на мысль, что къ намъ пріѣдетъ императоръ Александръ со святой. Чѣмъ болѣе я видѣла потомъ различныхъ государей, тѣмъ основательнѣе убѣждалась, что они не подоарѣваютъ, сколько хлопотъ и затрудненій они причиняютъ своими визитами. Имъ такъ постоянно, съ самой колыбели, твердятъ, о счастья, которое они доставляютъ своимъ посѣщеніемъ, что они не могутъ и постичь, какъ стѣсняетъ и озабочиваетъ ихъ присутствіе.

Но прислуга просто дѣлала чудеса, и къ двумъ часамъ слѣдующаго дня все было готово къ приѣму, конечно, благодаря близости Варшавы. Я пригласила дядю, князя Іосифа Понятовскаго и тетку, графиню Марію Тышкевичъ, чтобы помочь мнѣ достойно встрѣтить царственнаго гостя, тѣмъ болѣе, что я дебютировала прямо съ приѣма такого могущественнаго государя.

Императоръ пріѣхалъ въ четыре часа. Онъ былъ молодъ и красавецъ, но хотя прекрасно сложенъ, онъ, показалось мнѣ, скорѣе обладалъ элегантною, чѣмъ благороднымъ достоинствомъ. Его манеры не отличались той непринужденностью, которая обыкновенно дается человѣку, находящемуся въ исключительномъ положеніи и привыкшему повелѣвать. Онъ, повидимому, чувствовалъ себя всегда неловко, и его чрезмѣрная учтивость отличалась чѣмъ-

то банальнымъ; вообще все, до чрезвычайно узкаго мундира, придавало ему видъ скорѣе пріятнаго офицера, чѣмъ юнаго монарха.

Князь Адамъ Чарторижскій, сынъ князя-генерала, сопровождалъ Александра. Говорили, что императоръ, подъ вліяніемъ этого друга своей юности, не знавшаго другой страсти, какъ любви къ отечеству, рѣшился возстановить Польшу. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что пруссаки, владѣвшіе тогда Варшавой, не дозволили императору проѣхать чрезъ этотъ городъ, изъ боязни, чтобы поляки не сдѣлали восторженной встрѣчи тому, кто, будто бы, имѣлъ намѣреніе провозгласить себя королемъ Польши. Вотъ почему мы имѣли честь принимать его въ Вилановѣ, а прусскій генераль Калькрейтеръ, комендантъ Варшавы, получилъ приказаніе встрѣтить Александра и проводить его до границы. Этимъ, какъ будто, оказывалась честь державному путешественнику, но, конечно, никто не поддавался обману, и всѣ громко смѣялись надъ такой выходкой.

Я не знаю какъ, но мужу удалось узнать желанія его величества относительно лицъ, которыя должны были сидѣть за однимъ съ нимъ столомъ, и до этой чести были допущены только двое чужихъ: князь Чарторижскій и генераль Калькрейтеръ, а остальная свита обѣдала въ отдѣльной залѣ; съ нашей же стороны сидѣли за царскимъ столомъ, кромѣ меня и мужа, только тетка, такъ какъ князь Понятовскій отказался пріѣхать. Такимъ образомъ насъ всего было шесть человекъ. Кувертъ императора былъ поставленъ во главѣ стола, поодаль отъ всѣхъ другихъ, но онъ былъ этимъ доволенъ и пододвинулъ свое кресло къ моему стулу. Онъ ѣлъ мало, а говорилъ много. Его разговоръ былъ очень простъ и сдержанъ. Нельзя было приписать ему большого ума, но слѣдовало признать, что высказываемыя имъ мысли были благородны, возвышенны, а образъ выраженій чрезвычайно осторожный; почти не возбуждалось вопроса о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя побудили его къ путешествію, а тѣ немногія слова, которыя онъ произнесъ по этому поводу, отличались благоразумной умѣренностью. Прибавлю кстати, что генералы его свиты не указывали такой же скромности, а, напротивъ, спрашивали, что намъ прислать изъ Парижа, полагая, что легкія побѣды доведутъ ихъ прямо до французской столицы, тогда какъ на дѣлѣ, спустя мѣсяцъ, произошелъ аустерлицкій громъ, и нашъ высокій гость быстро ретировался въ Петербургъ.

Но вернусь къ обѣду, который продолжался очень долго. У Александра былъ слабый слухъ, и, какъ всѣ глухіе въ молодости, онъ старался говорить очень тихо, а такъ какъ никто не рѣшался переспрашивать его слова, то обыкновенно ему отвѣчали, что попало, и часто не то, что слѣдовало. Наконецъ, мы перешли въ гостиную, и онъ продолжалъ разговаривать еще добрыхъ два часа, но ни разу не присѣлъ. Меня увѣряли, что его мундиръ былъ до того узкій, что ему неловко садиться. Около полуночи онъ удалился въ

приготовленныя ему двѣ комнаты, выбравъ изъ нихъ ту, которая попроще.

На слѣдующее утро намъ пришлось встать очень рано, чтобы присутствовать при завтракѣ его величества и проститься съ нимъ, что для моего слабаго здоровья было тяжело. Садясь въ карету, императоръ очень любезно спросилъ меня, чѣмъ онъ можетъ доказать свою признательность за нашъ приемъ. Видя, что онъ находится въ прекрасномъ расположеніи духа, я чуть не сказала — «дайте намъ Польшу»; но, увидавъ, что мужъ нахмурилъ брови, втроятно, отгадавъ мое намѣреніе, я сдержала свой патріотическій пылъ и остановилась въ границахъ этикета, по которому не слѣдуетъ спрашивать у государей того, въ чемъ они могутъ отказать. Поэтому я попросила Александра написать свое имя въ книгѣ гостей, посѣщающихъ Виланово. Онъ исполнилъ мое желаніе и росписался на первой страницѣ этой книги. Тогда мы не думали, что вскорѣ, рядомъ съ именемъ русскаго императора, роспишется Наполеонъ.

Событія шли съ изумительной быстротой, и хотя никто изъ насъ не сомнѣвался въ счастливой звѣздѣ Наполеона, но трудно было вообразить, чтобы такъ скоро послѣ Аустерлица послѣдовала Іена. Когда же Наполеонъ, встѣдъ за послѣдней побѣдой, вступилъ въ Берлинъ, то самые благоразумные люди стали вѣрить въ уничтоженіе Пруссіи и восстановленіе Польши. Въ Варшавѣ общественное мнѣніе такъ громко высказывало свои чувства и надежды, что пруссаки, ненавистные владѣтели города, не въ силу права завоеванія, а по третьему раздѣлу, ясно видѣли, въ чью сторону клонились вѣсы; однако, имъ надо отдать справедливость, что они никоимъ образомъ не преслѣдовали, а только старались всячески задержать извѣстія о побѣдоносномъ шествіи Наполеона, захватывая газеты и сжигая частныя письма. Это не мѣшало нашей молодежи наполнять рестораны, пить за здоровье братьевъ-освободителей и распѣвать патріотическія пѣсни.

Наконецъ, генералъ Калькрейтеръ получилъ тайное извѣстіе, что Наполеонъ выступилъ изъ Берлина и идетъ на Познань; онъ тотчасъ принялъ мѣры къ выступленію гарнизона, такъ какъ о немъ совершенно забыли, а когда стало извѣстно, что французы уже въ Познани, то онъ быстро удалился со всеми пруссаками въ русскій лагерь, на противоположной сторонѣ Вислы. Въ то же время князь Юсіфъ Понятовскій получилъ письмо отъ прусскаго короля, который назначалъ его губернаторомъ Варшавы и начальникомъ несуществовавшей національной гвардіи. Онъ просилъ князя озаботиться о благѣ жителей города, увѣряя, что никому другому не можетъ доверить такого важнаго дѣла. Но пруссаки, удаляясь, не оставили ни одного ружья, и князь долженъ былъ вооружить около сотни людей копытами и дреколіемъ для занятія карауловъ.

Прошло нѣсколько дней, и двадцать перваго ноября показался первый французскій полкъ. Невозможно описать того энтузіазма, который овладѣлъ всей Варшавой. Мы смотрѣли на эту горсть храбрецовъ, какъ на гарантію той независимости, которую намъ долженъ былъ даровать великій герой, подчинившій себѣ весь міръ. Всѣ наперерывъ приглашали къ себѣ офицеровъ и солдатъ; на улицахъ и площадяхъ явились накрытые столы; гостей угощали и напивали; съ ними цѣловались и братались. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ, но нельзя скрыть, что ночью французскіе солдаты, спьяна, учинили неблаговидные поступки, сразу охладившіе нашъ энтузіазмъ.

На слѣдующее утро Мюратъ, тогда великій герцогъ Бергскій, вступилъ въ Варшаву во главѣ блестящей свиты, сіявшей золочеными мундирами, разноцвѣтными плюмажами и т. д. Ему приготовили великолѣпный домъ Рачинскаго, но онъ нашелъ, что тамъ дымилась печка, и перешелъ къ намъ.

Мнѣ очень хотѣлось видѣть поближе французовъ, и передъ ужиномъ я попросила свекра пригласить адъютантовъ Мюрата. Онъ исполнилъ съ удовольствіемъ мое желаніе, но, увы, получилъ отвѣтъ, что адъютанты никогда не ужинаютъ. Однако не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ послышался въ сосѣдней залѣ звонъ шпоръ и сабли. Въ столовую вошелъ молодой гусарскій офицеръ и бросился къ моему мужу, какъ къ хорошему другу.

— А! это Шарль!—воскликнулъ мужъ, знавшій вошедшаго въ Парижѣ, и, обнявъ его, представилъ мнѣ.

Это былъ графъ Ф., и я слыхала, что онъ пользовался славой моднаго обольстителя, внушившаго искреннюю любовь одной изъ моихъ соотечественницъ. Благоразумныя женщины мало обращаютъ вниманія на извѣстныхъ побѣдителей женскихъ сердецъ, или, по крайней мѣрѣ, относятся къ нимъ съ недовѣріемъ, но менѣе осторожны и слишкомъ надѣющіяся на свои принципы женщины позволяютъ себѣ бравировать опасностью. Я принадлежала къ числу послѣднихъ, и мнѣ было непріятно, что меня застали врасплохъ относительно туалета. Я опустила голову и не хотѣла даже взглянуть на вошедшаго, но онъ заговорилъ такимъ гармоничнымъ голосомъ, что я невольно подняла глаза.

Шарлю было двадцать одинъ или двадцать два года; онъ не поражалъ красотой, но лицо его было очень пріятное. Взглядъ его отуманивался какой-то сердечной печалью; его манеры отличались эlegantностью, безъ малѣйшаго фатовства; говорилъ онъ остроумно и высказывалъ благородныя, независимыя идеи. Никогда я не видывала человѣка, который болѣе осуществлялъ обыкновенный идеалъ романтическаго героя и рыцаря. Поэтому его мать—маркиза Суза, вывела его во многихъ изъ своихъ предестныхъ романовъ.

Онъ провелъ съ нами весь вечеръ и на всѣ наши вопросы объ

удивительной Іенской кампаніи, продолжавшейся лишь нѣсколько дней, отвѣчать съ удивительнымъ тактомъ и безъ малѣйшаго хвастовства. Какъ настоящій французъ, онъ умѣлъ вести бесѣду такъ, что интересъ никогда не прерывался. Увлеченная его примѣромъ, я въ концѣ вечера также приняла участіе въ разговорѣ и, признаюсь, мнѣ было очень пріятно, что онъ слушалъ меня съ удовольствіемъ.

Два дня послѣ своего пріѣзда, Мюратъ предупредилъ меня о своемъ визитѣ и явился вечеромъ съ многочисленной свитой. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ красивымъ лицомъ, хотя безъ всякаго выраженія. Онъ очень рисовался и походилъ на актера, игравшаго роль героя. Легко было подмѣтить эту искусственность въ его манерахъ и заключить, что онъ обыкновенно велъ себя иначе; говорилъ онъ недурно, но изысканно, а гасконскій акцентъ и нѣкоторыя солдатскія выраженія противорѣчили его напускному величію. Онъ очень любилъ распространяться о своихъ подвигахъ и около часа рассказывалъ намъ о войнѣ, преимущественно о вѣятіи Любека. Онъ взялъ этотъ городъ во главѣ своей кавалеріи точно приступомъ; конечно, это былъ прекрасный военный подвигъ, но непріятно было слышать подробности о томъ, что кровь лилась ручьями по улицамъ, и лошади останавливались передъ грудями труповъ. Мюратъ уже усвоилъ себѣ королевскій обычай—не разговаривать, а говорить въ полной увѣренности, что всѣ его слушаютъ съ уваженіемъ, если не съ удовольствіемъ. Наконецъ, онъ всталъ, торжественно поклонился и объявилъ, что вернется въ свой кабинетъ для изученія карты Польши и положенія русской арміи.

Вскорѣ мой дядя далъ великолѣпный балъ въ королевскомъ замкѣ, такъ какъ Мюратъ, желая всѣмъ показаться, сказалъ, что ему очень хотѣлось бы познакомиться съ поляками, о красотѣ которыхъ онъ столько слышалъ. Я была нездорова и не могла присутствовать на этомъ балѣ, но мнѣ тотчасъ донесли, что онъ явился въ полной парадной формѣ. Я потомъ видѣла его въ этомъ театральномъ костюмѣ, вполне соответствовавшемъ челоуѣку его крови. Дѣйствительно, замѣчательнымъ во всемъ его костюмѣ былъ только трехцвѣтный плюмажъ на шляпѣ, который всегда во время битвы видѣлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Поляки приходили въ такой восторгъ отъ его смѣлой храбрости, что съ удовольствіемъ замѣнили бы этотъ плюмажъ короной. Мы никогда впоследствии не могли провѣрить, дѣйствительно ли Наполеонъ далъ поводъ своему зятю питать такія надежды, но, несомнѣнно, Мюратъ тѣшилъ себя мыслью о польской коронѣ и любилъ сравнивать себя съ нашимъ королемъ-солдатомъ, Яномъ Собѣскимъ, о жизни котораго онъ постоянно спрашивалъ самыя мелкія подробности.

Какъ только распространилось извѣстіе о прибытіи Наполеона въ Познань, было рѣшено послать къ нему депутацію, но сдѣлать

это было нелегко. Всѣ выдающіеся люди страны находились въ своихъ помѣстьяхъ, ожидая тамъ событій, и, притомъ, тѣ изъ нихъ, которые находились подъ зависимостью Россіи, боялись скомпрометировать себя, зная, что ихъ богатства могли подвергнуться секвестру при малѣйшей неосторожности съ ихъ стороны. Поэтому, послѣ долгихъ совѣщаній, вышли изъ затруднительнаго положенія посылкой такихъ трехъ лицъ, которыя не имѣли никакого значенія. Наполеонъ тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и обратился къ депутаціи съ самой пустой, банальной рѣчью, которая нисколько не поддерживала возбужденныя его прибытіемъ надежды. Однако, Морартъ далъ понять городскимъ властямъ, что императоръ вступитъ въ Варшаву съ нѣкоторой помпой, хотя бы для того, чтобъ имѣть предлогъ послать блестящую статью въ «Мониторъ». Конечно, тотчасъ принялись воздвигать на улицахъ триумфальныя арки и колонны, готовить иллюминацію и составлять поэтическія надписи для щитовъ. Но всѣ эти приготовления оказались излишними: Наполеонъ явился верхомъ въ четыре часа утра, самъ разбудилъ караульнаго въ будкѣ у замка и произвелъ неописанный переполохъ въ древнемъ жилищѣ нашихъ королей, тѣмъ болѣе, что всѣ предпріятыя передѣлки не были еще окончены.

По счастью, покои послѣдняго короля, оставшіеся въ прежнемъ своемъ видѣ, какъ бы ожидали неваго повелителя. Эта часть замка, построенная при Станиславѣ-Августѣ, отличалась такимъ художественнымъ совершенствомъ, что на нее не вліяли ни время, ни перемѣна моды.

Императора сопровождалъ только его мамелюкъ Рустанъ, а экипажи застряли въ грязи, такъ какъ въ это время года по проселочнымъ дорогамъ нельзя было проѣхать, а шоссе тогда еще не существовали. Помѣстившись въ замкѣ, Наполеонъ немедленно далъ знать, что вечеромъ онъ приметъ властей и всѣхъ, кто имѣлъ право представиться ему.

Мы ожидали съ живѣйшимъ волненіемъ возвращенія лицъ, отправившихся въ замокъ. Мой свекоръ былъ во главѣ официальной депутаціи, и, вернувшись домой въ десять часовъ, онъ казался далеко не въ восторгѣ, а былъ только приведенъ въ неописанное удивленіе. Наполеонъ говорилъ съ ними очень много и быстро, что означало въ немъ нервное волненіе. Но, не смотря на свою многорѣчивость, онъ не сказалъ ничего утѣшительнаго, и даже, я полагаю, онъ охотно взялъ бы назадъ нѣсколько вырвавшихся у него фразъ. Распространившись о своихъ подвигахъ въ Пруссіи и подробно выяснивъ причины этой войны, онъ указалъ на большія затрудненія, которыя приходилось преодолевать столь большой арміи для движенія впередъ и приобрѣтенія жизненныхъ припасовъ.

— Но въ сущности это все равно, — прибавилъ онъ, засунувъ руки въ карманы, — вотъ гдѣ у меня французы. Вліяя на ихъ воображеніе, я дѣлаю съ ними все, что хочу.

Безмолвное удивленіе выразилось на лицахъ всѣхъ слушавшихъ эти слова.

Онъ немного помолчалъ, а потомъ произнесъ:

— Да, да, это такъ, какъ я говорю.

И понюхавъ табаку, чтобъ перевести дыханіе, онъ сталъ живо говорить, упрекая польскихъ магнатовъ въ недостатокъ энергіи и патріотизма.

— Необходимы, — воскликнулъ онъ, — самоотверженіе, жертвы, кровь. Безъ этого вы никогда ничего не достигните.

Но среди этого напыля словъ, онъ не произнесъ ни одного, которое можно было бы принять за обѣщаніе. Поэтому самые благо-разумные изъ явившихся къ нему лицъ вернулись съ этой аудіенціи недовольные, но съ твердой рѣшимостью сдѣлать все, что могли подсказать имъ честь и любовь въ родинѣ.

Съ этой минуты всѣ занялись военной организаціей, наборомъ солдатъ и т. д. Каждый жертвовалъ все, что могъ, и неизмѣющій денегъ несъ семейныя сокровища. Впрочемъ, французы не переменились брать даже и то, чего имъ не давали. Такъ, одинъ польскій вельможа, устроивъ пиръ французскому маршалу, съ удивленіемъ узналъ, что его серебро увезли въ фургонахъ героя. Онъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія императора, и тотъ, придя въ негодованіе отъ такихъ дѣйствій въ дружественной странѣ, приказалъ тотчасъ возвратить серебро его хозяину и объяснилъ случившееся недоразумѣніемъ со стороны прислуги маршала, которая не привыкла къ такому пышному приему.

У насъ въ домѣ по вечерамъ постоянно бывали французы, и мой мужъ помогалъ мнѣ любезно принимать дорогихъ гостей. Иногда играли въ карты, но чаще всего разговаривали. Зять императора, принцъ Боргезе, былъ однимъ изъ завсегдатаевъ моей гостиной, но никто не обращалъ на него вниманія, и какъ только общій разговоръ принималъ нѣсколько серьезный характеръ, онъ уходилъ на средину залы и танцевалъ со стульями, напѣвая въ полголоса. У насъ часто бывали: храбрый генераль Эксельманъ, остроумный Луи де-Перигоръ, умершій годъ спустя на пути изъ Петербурга въ Берлинъ, интересный рассказчикъ, Альфредъ де-Нуаль, красавецъ Лагранжъ и много другихъ, имена которыхъ я не припомню.

Между тѣмъ мой сынъ занемогъ, и я не могла быть постоянно при немъ, такъ какъ онъ помѣщался въ томъ флигелѣ, гдѣ жили адъютанты Мюрата, и мнѣ надо было проходить туда черезъ дворъ, что было мнѣ запрещено докторами въ виду моего интереснаго положенія и декабрьскихъ холодовъ. Легко понять, какъ я беспокоилась о ребенкѣ и съ какой радостью получила на второй день его болѣзни подробный бюллетень о томъ, сколько онъ спалъ, сколько разъ принималъ лѣкарство, въ какомъ находился положеніи и т. д. Мое материнское сердце подсказало мнѣ, кто написалъ этотъ бюллетень, а

когда я встрѣтила потомъ графа Ф., то въ большемъ смущеніи стала его благодарить, но онъ меня перебилъ:

— Полноте, какъ часто придають значеніе самой пустой случайности. Сегодня ночью я быть дежурный, а въ комнатѣ вашего сына стоитъ препокойный диванъ; я и помѣстался на этомъ диванѣ, а чтобъ не заснуть, я сталъ записывать все, что дѣлалось вокругъ меня. Успокойтесь, вашъ сынъ поправляется; всякая опасность миновала,—прибавилъ онъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, который тронулъ меня до глубины души.

Я не могла произнести ни слова. Онъ взялъ мою руку, пожалъ ее, но не посмѣлъ поцѣловать и быстро скрылся. Вѣрная своему супружескому долгу, я даже не допускала возможности чувства, отъ котораго было необходимо предостеречь себя, и просто отрицала всякую опасность. Мнѣ казалось, что была вполнѣ допустима дружба съ человѣкомъ, который соединялъ въ себѣ всѣ достоинства, которыя я желала бы видѣть на примѣръ, въ братѣ. Я не понимала того волненія, которое овладѣвало мною, когда я встрѣчала нѣжный, меланхолическій взглядъ Шарля, когда я слушала его прекрасное пѣніе. Наконецъ, я забывала, и въ этомъ заключалась моя главная вина, что молодая женщина не должна имѣть никакого друга, кромѣ своего мужа. Но зачѣмъ же мой мужъ никогда не напоминалъ мнѣ объ этомъ?

IV.

Наполеонъ во дворцѣ польскихъ королей.

1807.

Зима 1807 года была очень суровая. Страна, обѣднѣвшая уже отъ прохода русской арміи, не имѣла возможности снабдить продовольствіемъ сто тысячъ французскихъ солдатъ, да еще скученныхъ въ одномъ мѣстѣ. Они много страдали и начинали роптать, нуждаясь во всемъ. Савари, бывшій тогда адъютантомъ у императора, предложилъ подвергнуть Варшаву голодной смерти, закрывъ всѣ заставы и секвеструя ежедневно привозимые жизненные припасы въ пользу французской арміи. Наполеону надобно жалобы солдатъ, которыхъ онъ прозвалъ ворчунами, и, согласившись на планъ Савари, онъ выдалъ соответственный приказъ.

Такимъ образомъ мы, всѣ жители Варшавы, должны были умереть съ голоду. Графъ Ф. предупредилъ насъ объ этомъ, но такъ какъ подобный поступокъ могъ его погубить, то намъ слѣдовало принять мѣры къ собственному спасенію, не компрометируя добраго друга. На семейномъ совѣтѣ, по мысли моего мужа, было рѣ-

шено, что мы всё отправимся за провизіей, подъ предлогомъ неожиданной поѣздки къ друзьямъ. но, по счастью, эти предосторожности оказались излишними. Бертье и Талейранъ убѣдили императора не рисковать подобной мѣрой, которая могла возбудить мятежъ. Наполеонъ отмѣнилъ свое распоряженіе и приказалъ силой прорвать австрійскій кордонъ, что доставило его арміи и намъ значительные запасы продовольствія.

Между тѣмъ всё удивлялись спокойной жизни Наполеона въ замкѣ, а наши дамы приходили къ негодованію, что онъ такъ долго мѣшталъ познакомиться съ нами. Вскорѣ оказалось, что онъ не терялъ даромъ времени, а изучалъ наиболѣе успѣшный планъ атаки; не смотря на холода, онъ вдругъ отправился на аванпосты и вступилъ въ борьбу съ русскими, укрѣпившимися на противоположномъ берегу Вислы, въ маленькомъ городкѣ Пултускѣ. Дрался въ продолженіе нѣсколькихъ дней, но безъ большого результата. Ненастная погода мѣшала всѣмъ военнымъ дѣйствіямъ; постоянные дожди такъ размыли дороги, что пушки вязли, и много солдатъ погибло, провалившись подъ ледъ. Великій геній, которому до сихъ поръ повиновались стихійныя силы, не выдвигалъ никогда преградъ, надъ которыми не одержалъ бы побѣды, а теперь ему пришлось ретироваться.

Естественно, мы боялись, что эта неудача приведетъ въ ярость Наполеона, и городскія власти встрѣтили его съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Но, къ ихъ удивленію, онъ спокойно произнесъ:

— Ну, ваша грязь спасла русскихъ; надо ждать мороза.

Потомъ онъ перешелъ къ вопросу о внутренней администраціи страны и сталъ подробно указывать, какія мѣры слѣдуетъ принять для доставленія необходимаго продовольствія французской арміи, и въ какихъ мѣстахъ слѣдовало устроить склады. При этомъ онъ вошелъ въ такія мелочныя подробности и такъ удивилъ своимъ знаніемъ мѣстныхъ условій и людей, что всё разинули рты. На этотъ разъ, посѣтившіе замокъ поляки вернулись отсюда внѣ себя отъ восторга, возбужденнаго удивительными способностями этого необыкновеннаго человѣка, одинаково умѣвшаго и побѣждать и управлять государствами.

Спустя нѣсколько дней, было объявлено, что произойдетъ въ замкѣ приемъ дамъ. Всѣ польки стали съ лихорадочной ревностью готовить свои туалеты. Я не отставала отъ другихъ и была очень довольна своимъ костюмомъ, который состоялъ изъ открытаго чернаго, бархатнаго платья, вышитаго золотомъ и жемчугами. Этотъ строгій, благородный нарядъ шелъ ко мнѣ тѣмъ болѣе, что составлялъ разительный контрастъ съ хонимъ свѣжимъ, веселымъ лицомъ.

Мы прибыли въ замокъ къ девяти часамъ вечера, и намъ пришлось пройти чрезъ цѣлую армію золотыхъ мундировъ, стоявшихъ шпалерами. Я шла за своей свекровью и старалась отгадать по

улыбкамъ мужинъ, производилъ ли эффектъ мой костюмъ, и, признаюсь, была очень рада, когда одинъ изъ нихъ громко произнесъ:

— Вотъ оригинальный костюмъ! Точно хорошенькій портретъ въ старинной рамкѣ; ничего подобнаго не увидишь и въ Парижѣ.

Насъ провели въ великолѣпную залу съ историческими картинами, которыя въ послѣдствіи были перенесены въ Москву, по приказанію императора Николая I. Она была освѣщена а *giorno*. Уже много дамъ стояло рядами, и такъ какъ въ приглашеніяхъ не дѣлали большого выбора, то наплывъ прекраснаго пола былъ значительный.

Мы ждали довольно долго и, признаюсь, къ нашему любопытству примѣшивалась и доля страха. Неожиданно двери отворились, и Талейранъ, выступивъ впередъ, произнесъ громко и внятно то магическое слово, отъ котораго дрожали тогда весь свѣтъ:

— Императоръ!

Въ ту же минуту показался Наполеонъ. Онъ остановился на минуту, чтобы всѣ могли его рассмотреть.

Существуетъ столько портретовъ этого удивительнаго человѣка, и столько разъ описывалась его наружность, что послѣдующія колѣнія будутъ знать его также хорошо, какъ и мы; но кто его не видалъ, тотъ никогда не пойметъ, какое глубокое впечатлѣніе онъ производилъ съ перваго взгляда. Я почувствовала какое-то странное смущеніе, какое-то безмолвное изумленіе, словно присутствіе необыкновеннаго чуда. Мнѣ казалось, что надъ нимъ сіяетъ ореолъ. Одна мысль, что передо мною бессмертный гений, ставила меня втупикъ. Конечно, моя юность и воображеніе играли при этомъ большую роль, но я не могу скрыть того, что почувствовала, увидавъ впервые Наполеона.

Моя свекровь стояла подлѣ двери, изъ которой вышелъ императоръ. Онъ обратился къ ней первой и любезно отозвался объ ея мужѣ. Затѣмъ, наступила моя очередь. Я, право, не знаю, что онъ сказалъ мнѣ, такъ я была смущена. Вѣроятно, это была одна изъ тѣхъ обычныхъ, банальныхъ фразъ, которыя всегда говорятъ молодымъ женщинамъ. Я отвѣчала что-то невпопадъ, и онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, что еще болѣе смутило меня. Онъ улыбнулся той нѣжной и граціозной улыбкой, которая всегда освѣщала его лицо, когда онъ говорилъ съ дамами. Потому что онъ быстро обошелъ всю залу; нѣкоторыя изъ дамъ попытались высказать ему свои патріотическія надежды, которыя звучали совершенно фальшиво на придворномъ приѣмѣ, и Наполеонъ отвѣчалъ имъ невнятными, неопредѣленными словами. Черезъ полчаса онъ вернулся къ той же двери, изъ которой вышелъ, и громко сказалъ Талейрану:

— Сколько хорошенькихъ женщинъ!

Затѣмъ онъ повернулся и съ любовнымъ поклономъ, обращеннымъ ко всѣмъ намъ, удалился въ свои покои.

Въ виду невозможности сражаться съ непріятелемъ, императоръ заявилъ, чтобы всё веселились, тѣмъ болѣе, что наступила масленица. Но устройству баловъ и вечеровъ въ нашихъ домахъ мѣшало одно обстоятельство, именно: хозяева уступили лучшія помѣщенія французамъ, а сами жили въ маленькихъ комнатахъ, гдѣ невозможно было ни танцовать, ни собираться въ большемъ числѣ. Одинъ князь Понятовскій могъ быдать большой праздникъ въ замкѣ, но его стѣсняло присутствіе тамъ императора.

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, было рѣшено, что первый балъ дастъ Талейранъ, оберъ-камергеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ. Наполеонъ и всѣ принцы должны были на немъ присутствовать, и насъ всѣхъ поразило извѣстіе, что будетъ приглашено только пятьдесятъ дамъ, но, конечно, благодаря тысячѣ мелкихъ интригъ, это заколдованное число значительно разрослось.

Признаю, меня болѣе всего интересовала на этомъ балу личность самого хозяина, который слылъ за самаго остроумнаго и обворожительнаго человѣка въ свѣтѣ. Если это была правда, то онъ не считалъ нужнымъ для насъ расходовать свой умъ и привлекательность; онъ показался мнѣ человѣкомъ разочарованнымъ, которому все наскучило и который, не имѣя никакихъ принциповъ, служилъ изъ самолюбія и корысти ненавистному повелителю. Тѣмъ болѣе меня изумило, когда во время бала, онъ поднесъ на золотомъ подносѣ стаканъ лимонаду тому самому человѣку, котораго за-глаза презрительно называлъ выскочкой. Въ юности Талейранъ, говорятъ, имѣлъ большой успѣхъ среди женщинъ, и я впоследствии видала его, окруженнаго старымъ сералемъ. Это послѣднее зрѣлище было очень комично: всѣ дамы, передъ которыми онъ нѣкогда игралъ роль любовника и тирана, тщетно старались его развлечь, а онъ, зѣвая, саркастически смѣялся надъ ними.

Но вернемся къ балу Талейрана въ Варшавѣ. Я рѣдко видѣла чтонибудь болѣе интересное. Императоръ танцовалъ кадрили съ графиней Валевской, что послужило первымъ поводомъ къ ихъ знаменитой связи.

— Какъ я танцую, по-вашему? — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ улыбкой, — я думаю, что вы смѣялись надо мной.

— Нѣтъ, государь, — отвѣчала я, — для великаго человѣка вы прекрасно танцуете.

Передъ этой кадрилию Наполеонъ случайно сѣлъ между мною и его будущей фавориткой, которой онъ тогда еще не зналъ, и, нагнувшись ко мнѣ, спросилъ ея имя, а когда я назвала ее, то онъ вступилъ съ нею въ разговоръ, какъ будто со старой знакомой.

Мы потомъ узнали, что Талейранъ простеръ свою услужливость до того, что устроилъ императору первое свиданіе съ графиней Валевской и удалилъ возможные затрудненія. Какъ только Наполеонъ выразилъ желаніе прибавить къ числу своихъ побѣдъ сердце польки,

ловкій дипломатъ выбралъ ему именно такую женщину, какая для этого требовалась: прелестную и глупую. Многие увѣряли, что видѣли, какъ императоръ, послѣ кадрили съ графиней Валевской, пожалъ ей руку, что равнялось назначенію свиданія.

Дѣйствительно, это свиданіе состоялось на слѣдующій вечеръ. Рассказывали, что за красавицей былъ посланъ высокопоставленный паредворецъ, что ея брату, совершенно незначительному чело-вѣку, дали неожиданное повышеніе, и что она отказалась отъ при-сланнаго брилліантоваго убора. Но мало ли что говорили, даже увѣ-ряли, что мамелюкъ Рустанъ служилъ ей вмѣсто горничной. Во всякомъ случаѣ намъ всѣмъ было очень жаль, что одна изъ жен-щинъ нашего круга поступила такъ легкомысленно и защищала себя также слабо, какъ крѣпость Ульмъ.

Однако, слѣдуетъ прибавить, что графиня Валевская выказала въ столь легко начатой связи съ императоромъ столько благород-наго постоянства и безкорыстія, что ее слѣдуетъ отнести къ числу интересныхъ личностей ея эпохи. Она была такъ прелестна, что напоминала головки Греза своими глазами, губами и зубами. Ея смѣхъ былъ такъ мелодиченъ, ея взглядъ такъ нѣженъ, и вся ея фигура такъ обворожительна, что невольно забывался недостатокъ правильныхъ чертъ. Выйдя замужъ семнадцати лѣтъ за восьмиде-сятилѣтняго старика, котораго никто никогда не видѣлъ, она играла въ свѣтѣ роль молодой вдовы, и если Наполеонъ былъ ея послѣд-нимъ любовникомъ, то, по общему мнѣнію, онъ не былъ первымъ.

Какъ только императоръ высралъ себѣ подругу, то и принцы его дома позаботились послѣдовать его примѣру.

Однажды, утромъ, мнѣ доложили о приходѣ частнаго секретаря Мюрата, по фамиліи Жанвьє. Онъ вошелъ въ комнату, держа въ рукахъ маленькій ключъ, и не зная, какъ начать со мной разго-воръ. Чтобы понять то, что произошло между нами, необходимо, сказать, что между покоями, отведенными въ нашемъ домѣ Мюрату, и моими комнатами, находилась потаенная лѣстница, двери на которую съ обѣихъ сторонъ имѣли особые ключи. Когда Мюрату были пере-даны его покои, то ему врученъ былъ и ключъ отъ двери на по-таенную лѣстницу. Дѣло было въ томъ, что теперь Мюрать пору-чилъ своему секретарю отдать мнѣ этотъ ключъ, съ явной цѣлью, доставить мнѣ возможность посѣщать его тайкомъ. Я сначала не понимала, къ чему мнѣ навязывали этотъ ключъ, и сказала, что онъ вовсе мнѣ не нуженъ. Тогда бѣдный секретарь пробормоталъ, что его высочество думалъ, что мнѣ будетъ пріятно иногда зайти и выпить чашку чаю въ предоставленныхъ ему великолѣпныхъ по-кояхъ. Тутъ я сменнула позорную выходку Мюрата и такъ рассер-дилась, что секретарь вскочилъ со стула, промолвилъ что-то без-связное и положилъ злополучный ключъ на близъ стоявшую эта-жерку. Я презрительно улыбнулась и промолвила, что передамъ ключъ

моей свекрови, которая, если захочетъ, можетъ пойти пить чай у принца, а мнѣ это вовсе не интересно. Несчастный секретарь смутился и чуть не полакомъ убрался изъ комнаты.

За баломъ у Талейрана слѣдовали два другіе: у принца Боргезе и Мюрата. На первомъ я не была по случаю болѣзни, а на послѣдній отправилась, по совѣту свекрови, чтобы не показать виду, что сержусь на нашего гостя.

Погода не мѣнялась, и дороги оставались непроходимыми; императоръ не покидалъ города и выходилъ изъ замка только для развѣдочъ, хотя они происходили ежедневно на Саксонской площади, но толпа массами всегда слѣдовала за нимъ и устраивала ему торжественныя оваціи, которыя, повидимому, очень ему нравились.

При дворѣ былъ еженедѣльно раугъ, начинавшійся съ концерта и кончавшійся партіей виста, такъ какъ въ замкѣ никогда не танцовали. Наполеонъ привезъ съ собою прекрасный оркестръ, подъ управленіемъ дирижера Пера, который исключительно игралъ итальянскую музыку. Императоръ обожалъ эту музыку, слушалъ ее внимательно, аплодировалъ въ лучшихъ мѣстахъ, и нѣжная гармонія вліяла на него умиротворяющимъ образомъ. Однажды мы видѣли этому примѣръ.

Передъ обычнымъ раутомъ, онъ получилъ извѣстіе, что генераль Викторъ былъ захваченъ въ плѣнъ пруссаками съ очень важной депешей, и пришелъ въ ярость съ измѣны, или непростительной неосторожности генерала. Вслѣдъ за этимъ ему представились голландскіе депутаты, присланные, чтобы поздравить его съ Іенской побѣдой. Было уже 10 часовъ; мы давно ждали появленія императора и начинали подозрѣвать, что въ его покояхъ происходило что-то необыкновенное, какъ вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и изъ нея скорѣе посыпались, чѣмъ вышли, толстые голландцы въ красныхъ мундирахъ. Императоръ толкалъ ихъ, громко восклицая:

— Идите же, идите!

Вѣроятно, въ дверяхъ произошло столкновеніе въ ту минуту, когда къ ней подошелъ Наполеонъ, который всегда ходилъ очень быстро, и бѣдные депутаты, потерявъ голову, навалились другъ на друга.

Во всякое другое время эта нелѣпая сцена возбудила бы общій смѣхъ, но голосъ и выраженіе лица императора поражали непріятно, такъ что мы всѣ предпочли бы не присутствовать при подобномъ скандалѣ. Однако, музыка быстро его успокоила и въ концѣ концерта онъ съ своей обычной улыбкой обошелъ всю залу и сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ дамамъ прежде, чѣмъ сѣсть за вистъ.

Обыкновенно утромъ обозначались тѣ дамы, съ которыми онъ долженъ былъ играть въ карты: одна старая и двѣ молодыя. Меня научили худо или хорошо играть, и съ перваго же раза я позволила себѣ смѣлую выходку, что императору, повидимому, понравилось,

и уже потомъ меня постоянно назначали партнеромъ въ императорскій вистъ.

Пока сдавали карты, Наполеонъ, обернувшись ко мнѣ, спросилъ:

— А почему мы играемъ?

— Ставкой, конечно, будетъ, государь, какойнибудь городъ, провинція, или королевство.

Онъ засмѣялся.

— А если вы проиграете?—произнесъ онъ, бросая на меня тонкій, проницательный взглядъ.

— У вашего величества столько этого добра, что вы, можете быть, заплатите за меня.

Съ этой минуты я стала пользоваться его особой милостью, и какъ въ Польшѣ, такъ и въ Парижѣ, онъ постоянно оказывалъ мнѣ самое лестное вниманіе.

Всѣ замѣчали, что графиня Валевская никогда не играла въ карты съ Наполеономъ, и не могли не одобрить его приличнаго поведенія въ этомъ случаѣ.

Замѣчательно было, какъ различные нѣмецкіе принцы, слѣдовавшіе за главнымъ штабомъ французской арміи, работливо унижались передъ императоромъ и лебезили вокругъ его картежнаго стола. Между прочимъ, наслѣдникъ баварскаго престола, глухой и козноязычный уродъ, цѣловалъ руку Наполеона, какъ только могъ ее поймать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ дерзость ухаживать за графиней Валевской, что возбуждало въ Наполеонѣ не ревность, а смѣхъ. Напротивъ, всѣмъ брссался въ глаза тотъ странный фактъ, что маршалы и выведенные имъ въ люди выскочки менѣе иностранныхъ принцевъ и разныхъ вельможъ старой монархической Франціи работничествовали передъ императоромъ; за исключеніемъ Савари, всѣ они держали себя почтительно, но съ достоинствомъ.

Кромѣ пословъ и высокихъ сановниковъ, также игравшихъ въ карты, никто, даже зятя императора, не садился въ его присутствіи. Мюрагу, повидимому, это даже нравилось, и онъ постоянно рисовался, принимая картинныя позы, но маленькій Боргезе кусалъ губы со злобы, не смѣя нарушить этикета.

По окончаніи виста, садилась за ужинъ; Наполеонъ никогда не занималъ мѣста за столомъ и ходилъ по залѣ, разговаривая съ дамами, которыхъ онъ очень смущалъ своими постоянными вопросами, требовавшими точныхъ, опредѣленныхъ отвѣтовъ. Онъ желалъ знать, что каждая изъ насъ дѣлала и читала, о чемъ думала, что болѣе всего любила.

Однажды, облокотившись на мой стулъ, онъ забавлялся подобнымъ экзаменомъ относительно моихъ чтеній и, говоря о романахъ, сказалъ, что его всего болѣе интересовалъ «Графъ де Коминжъ» г-жи Тенсенъ, который онъ прочелъ два раза со слезами на глазахъ.

Я не знала этой книги, и повятно, что, вернувшись домой, моимъ первымъ дѣломъ было отправиться за ней въ библіотеку моего тестя, но этого романа не оказалось; я прочла его только спустя много времени и также плакала.

Моя свекровь, одна изъ всѣхъ варшавянокъ, сохранила свой салонъ, а потому была обязана устраивать танцевальныя вечера. Иностранцы, нахлынувши въ Варшаву вмѣстѣ съ послами, постоянно бывали у насъ, а равно такъ называемые принцы крови, которые, однако, для поддержанія своего достоинства танцовали только при дворѣ. Мюрать, нимало не сконфуженный неудачей своей глупой выходки, преслѣдовалъ меня своими любезностями, хотя я очень холодно съ нимъ обращалась. Наконецъ, онъ, повидимому, понялъ, въ чемъ дѣло, и сказалъ мнѣ, принявъ мелодраматичную позу:

— Графиня Александръ, вы не самолюбивы и не любите прищевъ.

Впослѣдствіи мнѣ передавали другую столь же уморительную фразу Мюрата. Въ тотъ самый день, когда онъ былъ провозглашенъ Неаполитанскимъ королемъ, какая-то красавица, соблазненная его величіемъ, назначила ему свиданіе. Онъ явился слишкомъ рано и, наскучивъ ждать, воскликнулъ, схвативъ себя за голову:

— Бывалъ ли когда на свѣтѣ такой несчастный государь!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МЕМУАРЫ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ¹⁾.

Х.

Великое герцогство Варшавское.

1811—1812.

ОГДА Я ВЕРНУЛАСЬ въ Польшу, то мы принадлежали королю саксонскому, которому Наполеонъ отдалъ насъ, не зная, что дѣлать съ великимъ герцогствомъ Варшавскимъ. Создавъ мимоходомъ это герцогство, онъ теперь временно распорядился имъ, предоставивъ времени и обстоятельствамъ его расширеніе. Во всякомъ случаѣ наши надежды не отуманивались.

Въ ожиданіи лучшаго, мы имѣли монархомъ Фридриха-Августа I, правнука польскаго короля Августа II, человѣка очень нравственнаго и отечески заботившагося о благѣ своей страны. Оба, король и королева, очень старые, были окружены дворомъ, напоминавшимъ сказку о спящей красавицѣ. Казалось, что всѣ представители этого двора заснули, сто лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ не просыпались, но за то они отличались твердыми принципами, безкорыстіемъ, повидимому, вымершимъ въ другихъ странахъ, и учтивыми, культурными манерами.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 829.

Форма правленія, выработанная для насъ Наполеономъ, напоминала порядки, существовавшіе въ рейнскихъ государствахъ. Страной управлялъ совѣтъ семи министровъ съ предсѣдателемъ во главѣ. Эта гентархія, повидимому, имѣла совершенно національный характеръ, но въ сущности она исполнѣ подчинялась французскому резиденту, хотя можно было въ важныхъ случаяхъ апеллировать къ императору черезъ министра статсъ-секретаря, состоявшаго при королѣ, и который занимался исключительно дѣлами великаго герцогства.

При моемъ возвращеніи изъ Парижа, французскимъ резидентомъ былъ г. де-Серра, женеvский дворянинъ, поражавшій своею напыщенною сосредоточенностью. Ученые считали его великимъ латинистомъ, но онъ плохо говорилъ и не имѣлъ ни достоинствъ, ни недостатковъ той націи, представителемъ которой состоялъ. Его всѣ уважали, но никто его не любилъ. Рѣзкій въ манерахъ и на словахъ, онъ отличался желѣзною волей, и часто мой свекоръ, бывшій предсѣдателемъ совѣта министровъ, возвращался изъ засѣданія совѣта внѣ себя отъ отчаянія, въ виду упорныхъ требованій г. де-Серра. Тщетно доказывали ему, что страна была истощена расходами на долговременное содержаніе французской арміи и не имѣла никакихъ средствъ, онъ не хотѣлъ слышать ни о чемъ и повторялъ только:

— Однако, это необходимо, господа, и это будетъ. Такова воля императора.

Тогда обращались къ верховному владыкѣ, и тотъ давалъ авансы, а также приказывалъ резиденту быть мягче, хотя не уступать ничего въ принципѣ. Вполнѣ преданный Талейрану, которому онъ былъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ, г. де-Серра въ глубинѣ души не любилъ Наполеона. Иногда онъ высказывалъ свои искреннія чувства тѣмъ изъ нашихъ министровъ, которымъ онъ могъ довѣряться, но это нимало не уменьшало его ревности въ исполненіи приказовъ, полученныхъ изъ Парижа.

Императоръ возвратилъ намъ національные цвѣта, языкъ, учрежденія и армію, которою командовалъ князь Юсифъ Понятовскій. Не было на свѣтѣ человека достойнѣе его, чтобъ начальствовать пятьюдесятью тысячами храбрцевъ, служившихъ подъ его командой. Солдаты его обожали, такъ какъ онъ раздѣлялъ съ ними всѣ опасности и лишения, а потому исполняли по малѣйшему его знаку то, чего другіе добивались строгою дисциплиной. По своему характеру, онъ представлялъ соединеніе самыхъ противоположныхъ крайностей. Въ домашней жизни онъ уступалъ и постоянно выказывалъ чрезмѣрную слабость изъ любви къ спокойствію и только въ важныхъ случаяхъ проявлялъ мужественную энергію, которая составляла вмѣстѣ съ пламеннымъ патриотизмомъ его характеристичную черту, какъ общественнаго дѣятеля. При этомъ, надо за-

мѣтить, что въ этомъ человѣкѣ, соединявшемъ слабость съ геройствомъ, не было и тѣни самолюбія. Быть можетъ, исторія поставитъ ему въ укоръ недостатокъ этого качества, такъ какъ, находясь въ исключительномъ положеніи, онъ могъ вступить на польскій престолъ и тѣмъ обезпечить независимость своей страны. Но за то его благородныя качества, мужественная храбрость и славная смерть сдѣлали имя этого героя на вѣки дорогимъ среди его соотечественниковъ.

Князь Понятовскій ѣздилъ въ Парижъ для поздравленія Наполеона отъ имени саксонскаго короля и нашего правительства, по случаю рожденія польскаго короля, и привезъ оттуда смутныя извѣстія. Эта эпоха была самая блестящая въ жизни Наполеона, и уже давно Франція не пользовалась такимъ долговременнымъ перемиріемъ. Всѣ были счастливы и ликовали; празднества смѣнялись празднествами, на которыхъ королева неаполитанская являлась Минервой, а ея сестра красавица Полина — Венерой. Но среди общаго упоенія слышались таинственныя рѣчи, убѣждавшія въ близости войны. Наполеонъ собирался поставить на карту свою имперію и, какъ новый Ксерксъ, предпринять войну, во главѣ ста народовъ. Время шло въ дипломатическихъ переговорахъ, и онъ требовалъ, чтобъ Александръ принесъ ему въ жертву Англію. Понимая всю опасность сопротивленія, русскій государь не могъ, однако, разомъ измѣнить своей системы и тянулъ дѣло, благодаря помощи французскаго посла въ Петербургѣ, Коленкура, который, находясь подъ вліяніемъ благороднаго характера Александра и оказываемаго имъ довѣрія, сдерживалъ своего повелителя. Такимъ образомъ, князь Понятовскій не узналъ въ Парижѣ ничего рѣшительнаго о войнѣ, потому что Наполеонъ еще молчалъ. Что касается до приѣма князя, то его носили въ Парижѣ на рукахъ, и онъ прибавилъ новое имя красавицы Полины къ длинному списку своихъ побѣдъ надъ женскими сердцами.

Неожиданно г. де-Серра получилъ приказаніе отправиться въ Дрезденъ, и на его мѣсто явился въ Варшаву г. Биньонъ. Мы никогда не узнали настоящей причины этой перемены, и самъ даже г. де-Серра увѣрялъ, что она ему неизвѣстна; во всякомъ случаѣ въ Дрезденѣ его ожидала смерть.

Совѣтъ министровъ былъ очень доволенъ назначеніемъ Биньона, который болѣе понималъ дѣла и не такъ слѣпо повиновался своему повелителю. Что же касается до варшавскаго общества, то оно несумѣло оцѣнить новаго резидента, какъ онъ этого заслуживалъ. Впрочемъ, и самъ Биньонъ тщательно скрывалъ подъ вульгарною, буржуазною маской тѣ рѣдкія достоинства, которыя были имъ открытыи обнаружены. Обязанный по своему положенію жить открыто, онъ очень неловко разыгрывалъ роль хозяина, и я, напримѣръ, часто смѣялась надъ нимъ, о чемъ потомъ очень сожалѣла. Онъ вѣчно повторялъ на всѣ лады одну и ту же фразу:

— Зачѣмъ вы забились въ такой уголокъ? Кто бы подумалъ найти васъ въ этомъ уголкѣ? Но ужъ если вы предпочли подобный уголокъ, то позвольте мнѣ раздѣлить ваше одиночество... А вотъ вы опять въ своемъ уголкѣ... Какая несправедливость такъ скрываться!.. Или вы нарочно выбрали такой уголокъ, чтобъ смѣяться надъ нами?

И всюду, хотя бы въ самомъ блестящемъ обществѣ, онъ носился съ своимъ уголкомъ. Кто могъ бы подумать, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлается увлекательнымъ ораторомъ и замѣчательнымъ публицистомъ, которому Наполеонъ поручитъ написать исторію своего царствованія, что онъ и сдѣлаетъ съ успѣхомъ? Кто могъ вообразить, что онъ явится нашимъ пламеннымъ защитникомъ въ палатѣ депутатовъ? Но если мы по легкомыслію были несправедливы къ Биньону, то въ концѣ концовъ мы не погрѣшили неблагодарностью къ нему, и польскія сердца сохранили о немъ неизгладимую память. Признаюсь, для меня превращеніе, которому онъ подвергся, имѣло характеръ настоящаго чуда, и по этому случаю я впервые увидѣла, что нельзя судить государственнаго человѣка въ гостиной, въ особености, если онъ не родился въ ней.

Въ началѣ 1812 года я родила второго сына Маврикія и отложила его крестины, надѣясь добиться, чтобъ его крестнымъ отцомъ былъ великій Наполеонъ, собиравшійся возстановить Польшу.

Наконецъ, весною была объявлена война. При одномъ счетѣ всѣхъ націй, шедшихъ подъ французскимъ знаменемъ, самые скептическіе умы не могли сомнѣваться въ успѣхѣ смѣлаго предпріятія. Кто могъ сопротивляться такимъ военнымъ силамъ, подъ начальствомъ такого человѣка? Какъ только распространилось въ Польшѣ извѣстіе о войнѣ, вся молодежь бросилась къ оружію, не дожидаясь призыва. Ни угрозы и опасенія Россіи, ни личный расчетъ, ни гнѣвъ родителей, не могли удержать этого патріотическаго порыва, который отличался еще бѣльшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ движеніе 1806 года. О, почему вершитель судебъ міра не сказалъ тогда магическаго слова, которое утроило бы наши силы и, можетъ быть, спасло бы его отъ непримѣрныхъ бѣдствій!

Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа съ Маріей-Луизой, которая хотѣла проводить его до Дрездена, гдѣ ихъ встрѣтилъ императоръ австрійскій, съ своею молодою женою Беатриссой Эсте, послѣднюю представительницей знаменитаго дома, съ которымъ связано столько историческихъ воспоминаній и романтичныхъ преданій. Эта принцесса, принесенная въ жертву политикѣ, вскорѣ умерла, не понятая, не оцѣненная. По случаю свиданія, между двумя императрицами установилось соперничество. Марія-Луиза не понимала другого величія, какъ свое блестящее положеніе, и хотѣла убитъ свекровь своею роскошью и богатствомъ подарковъ, но австрійская гордость явилась помѣхой, и онѣ обѣ разстались очень холодно.

Марія-Луиза много плакала, прощаясь съ своимъ мужемъ. Она предчувствовала, что эта разлука будетъ окончательная, и что съ тѣхъ поръ ея имя будетъ упоминаемо въ исторіи съ глубокимъ осужденіемъ, благодаря ея недостойному поведенію. Хотя точно не было неизвѣстно, что именно произошло между Наполеономъ и его тестемъ, но всѣ полагали, что они заключили другъ съ другомъ оборонительный и наступательный союзъ.

Что касается поляковъ, то Наполеонъ съ своимъ обычнымъ умѣніемъ пользоваться обстоятельствами, всячески подстрекалъ ихъ патріотизмъ возбужденіемъ надеждъ, воздерживаясь, однако, отъ прямыхъ, определенныхъ обѣщаній. Виньону было приказано тщательно освѣдомиться о національныхъ традиціяхъ относительно поголовнаго возстанія народа на защиту отечества отъ враговъ. Съ этою цѣлью былъ собранъ сеймъ, и былъ присланъ изъ Франціи особый представитель для наблюденія за тѣмъ, что произойдетъ на сеймѣ. Всѣ эти демонстраціи имѣли цѣлью напугать Александра и распространить надежды поляковъ до отдаленѣйшихъ предѣловъ провинцій, присоединенныхъ къ Россіи.

Г. де-Прадтъ явился къ намъ со всею помпой, приличествовавшею послу великой націи и могущественнаго государя. Но намъ онъ показался очень мелкимъ и вульгарнымъ среди всего окружавшаго его блеска, такъ надменно и недостойно велъ онъ себя, постоянно болтая «о выписываемой имъ кухаркѣ, одинаково искусной и экономной», ссорясь при всѣхъ съ своей прислугой, повторяя избытые анекдоты, публично издѣваясь надъ благороднымъ энтузіазмомъ поляковъ и обнаруживая во всемъ отсутствіе такта. Въ другой странѣ и при другихъ обстоятельствахъ онъ потерпѣлъ бы полное фіаско, но поляки видѣли въ архіепископѣ Малинскомъ только представителя того, кто могъ возстановить Польшу. Это, однако, не мѣшало всѣмъ удивляться сдѣланному выбору, тѣмъ болѣе, что г. де-Прадтъ ничего не дѣлалъ и во всемъ полагался на какого-то г. Андре, который появлялся лишь на посольскихъ банкетахъ, занимая скромное мѣсто на концѣ стола и часто выражая на своемъ подвижномъ лицѣ неодобреніе. Но если самъ представитель Франціи не соотвѣтствовалъ дѣлу, которое было ему поручено, то остальной составъ посольства былъ замѣчательнъ.

Брюлевскій дворецъ, отведенный чрезвычайному послу Франціи, не былъ еще готовъ къ его приѣху, и въ виду нежеланія его изъ экономическихъ цѣлей нанять для себя покуда приличное помѣщеніе, мой свекоръ предложилъ г. де-Прадту занять ту часть нашего дома, гдѣ жилъ вѣкогда Мюратъ. Онъ съ удовольствіемъ согласился, и мы, благодаря этому обстоятельству, познакомились со всѣми мелочными сторонами его жизни.

Польская армія была совершенно готова и двинулась въ путь, имѣя въ своихъ рядахъ представителѣй всѣхъ нашихъ историче-

ских родовъ. Въ то же время были окончены и предварительныя мѣры къ созванію сейма, предсѣдателемъ котораго, по желанію Наполеона, быть назначенъ восьмидесятилѣтній князь Чарторыйскій, отецъ князя Адама. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Матусевичъ, человекъ замѣчательнаго ума, отправился лично въ Пулавы и уговорилъ почтеннаго старика, считавшагося патриархомъ во всей странѣ, принять предлагаемый ему важный постъ. Люди, знавшіе подноготную мыслей Наполеона, увѣряли, что онъ настаивалъ на этомъ выборѣ съ цѣлью противостанить имя отца имени сына. Князь Адамъ, связанный съ Александромъ самою искреннею дружбой, и находясь подъ влияніемъ обещаній, быть можетъ, тогда вполне искреннихъ, ждалъ отъ русскаго государя возстановленія Польши, тогда какъ мы рассчитывали добиться того же, лишь благодаря побѣдамъ французскаго императора. Естественно, что, предаваясь всецѣло своей химерѣ, онъ видѣлъ въ демонстраціяхъ Наполеона только скрытые самолюбивыя планы.

— Если будущее,—сказалъ онъ мнѣ однажды,— докажетъ, что мое недовѣріе къ французскому императору неосновательно, я согласусь на добровольное изгнаніе изъ родины, независимостью которой мы будемъ одолжены великодушію побѣдителя, и я воздвигну ему алтарь даже въ пустынѣ, куда удалюсь въ наказаніе за то, что я повѣрилъ обещаніямъ Александра.

Старый князь Чарторыйскій не раздѣлялъ мнѣній сына, или, скорѣе, вовсе не имѣлъ опредѣленныхъ мнѣній, благодаря своимъ преклоннымъ годамъ; согласившись на мольбы Матусевича, прибылъ въ Варшаву, гдѣ съ первыхъ шаговъ сдѣлалъ двѣ значительныя ошибки. Во-первыхъ, онъ явился на сеймъ въ мундирѣ австрійскаго фельдмаршала, что очень дурно подѣйствовало на патриотовъ, а, во-вторыхъ, при открытіи сейма, онъ въ своей рѣчи не призываетъ всего населенія къ оружію, а увѣщевалъ полекъ, присутствовавшихъ при засѣданіи, оказать патриотическую помощь, а онѣ отвѣчали громкими клятвами и бросаніемъ на головы депутатовъ кокарды національныхъ цвѣтовъ. Эта театральная сцена показалась многимъ неумѣстной въ такую важную для страны минуту.

Представитель Франціи отвѣчалъ на рѣчь предсѣдателя очень дипломатично, и изъ его словъ можно было понять лишь одно, что императоръ не хотѣлъ еще принять на себя никакихъ обязательствъ.

Достигнувъ Вильны, Наполеонъ организовалъ тамъ для Литвы временное правительство, по образцу великаго герцогства Варшавскаго, и вызвалъ туда Биньона, который долженъ былъ играть роль представителя Франціи.

Между тѣмъ г. де-Прадтъ, поѣхавшій въ роскошно передѣланномъ Брюлевскомъ дворцѣ, заявилъ, что будетъ давать балы каждую недѣлю. Но во всей Варшавѣ оказался только одинъ тан-

портъ, такъ какъ вся молодежь была въ арміи, да и дамы разѣхались по деревнямъ, гдѣ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали извѣстій о своихъ мужьяхъ и братьяхъ. Поэтому первые приемы были печальны, мрачны и пустыжны, но затѣмъ дамы стали по временамъ появляться въ залахъ посольства, изъ боязни возбудить гнѣвъ Наполеона.

Приѣздъ молодого короля Вестфальскаго Иеронима немного оживилъ городъ. Онъ командовалъ однимъ изъ резервныхъ корпусовъ и получилъ приказъ присоединиться къ императору, но его корпусъ двигался медленно двора, и ему пришлось остаться нѣсколько времени въ Варшавѣ. Потомъ рассказывали, что ему такъ понравились польки, что де-Прадтъ получилъ приказъ насильно удалить его. Во всякомъ случаѣ, онъ разыгрывалъ у насъ роль короля и объявилъ, что будетъ принимать дамъ, которыя желаютъ ему представиться. Такое странное распоряженіе, еще подчеркнутое словами посланника, что «нельзя ни въ чемъ отказать брату Наполеона», возбудило негодованіе многихъ дамъ, и во дворецъ явилось ихъ очень мало. Тогда Иеронимъ рѣшился дать балъ, но тутъ представились тѣ же затрудненія которыя помѣшали устройству баловъ у де-Прадта. Пришлось удовольствоваться обѣдами, очень скучными, такъ какъ на нихъ, въ виду этикета, не могли принимать участія самые остроумные и пріятные изъ представителей варшавскаго общества.

Напрасно упрекали Иеронима въ недостаткѣ способностей; напротивъ, онъ отличался живымъ умомъ и; еслибъ не былъ выскоккой, то вызывалъ бы общее сочувствіе. Онъ, какъ всѣ члены семьи Наполеона, былъ самъ по себѣ недюжинный человѣкъ, но величіе брата его давило. О немъ рассказывали безконечные анекдоты; такъ увѣряли, что онъ по утрамъ бралъ ванны изъ рома, а вечеромъ изъ молока; онъ простираалъ свое кокетство въ одеждѣ до того, что никогда не надѣвалъ ничего два раза и входилъ поэтому въ большіе долги, бывшіе не подъ силу скромному бюджету Вестфальскаго короля, а императоръ и слышать не хотѣлъ о долгахъ брата. Во всякомъ случаѣ, во французскомъ посольствѣ были очень довольны, когда Иеронимъ уѣхалъ.

Однако посѣщеніе Варшавы другою личностью надѣлало де-Прадту еще болѣе хлопотъ и ясно обнаружило его безтактность. Графиня Валевская явилась подъ предлогомъ семейныхъ дѣлъ, но никто не повѣрилъ этой причинѣ, и всѣ были увѣрены, что ею руководила надежда получить приглашеніе слѣдовать за Наполеономъ. Но со времени своего второго брака, онъ избѣгалъ всякаго упрека во времени своего второго брака, онъ избѣгалъ всякаго упрека въ легкомысленномъ поведеніи, и красавицѣ пришлось разочароваться въ своихъ расчетахъ. Что же касается до французскаго представителя, то во время пребыванія графини въ Варшавѣ онъ счелъ долгомъ обращаться съ ней, какъ съ полу-императрицей: на обѣдахъ

ей предоставлялось первое мѣсто, и ей оказывались всякаго рода почести, что сердило старухъ и забавляло молодыхъ, которыя смѣялись надъ де-Прадтомъ, не сводившимъ своего лорнета съ красивыхъ, пухлыхъ рукъ графини. Повидимому, она много выиграла отъ пребыванія въ Парижѣ и научилась исполнять свою трудную, щекотливую роль съ скромнымъ тактомъ; она даже сумѣла внушить очень ревнивой Мари-Луизѣ сомнѣнiе въ ея тайной связи съ Наполеономъ. Поэтому онъ и сохранилъ до конца свои отношенiя только съ одной Валевской, которая послѣдовала за нимъ на Эльбу, откуда однако онъ удалилъ ее, принеся въ жертву вѣрнаго друга измѣнницъ-женѣ. Впрочемъ, она въ Варшавѣ осталась недолго, благодаря неприличному поведенiю де-Прадта, и заперлась въ своемъ скромномъ помѣщенiи, гдѣ терпѣливо ожидала результатовъ войны.

Мужъ мой отправился въ Вильну, гдѣ занималъ мѣсто во временномъ правительствѣ, а я перебралась съ дѣтьми въ Натолино и занималась украшенiемъ этого прелестнаго уголка. Однажды, я получила съ большимъ удивленiемъ письмо отъ де-Прадта, который направивался ко мнѣ обѣдать. Дѣлать было нечего, пришлось устроить обѣдъ для всего посольства, и де-Прадтъ мучилъ насъ всёхъ за столомъ безконечною болтовней, испещренною старыми, избитыми анекдотами. Чтобъ мнѣ болѣе не возвращаться къ этой неприятной личности, скажу здѣсь, что, выѣзжая изъ нашего дома въ Брюлевскiй дворецъ, онъ попросилъ позволенiе у моего свекра прислать ему прекрасную картину изъ своего архіерейскаго дома въ Малинѣ, на это пришлось согласиться, изъ боязни обидѣть представителя Франціи. Долго мы ждали этого подарка и часто недоумѣвали, какая картина увеличитъ Вилановскую галлерей: свекоръ увѣрялъ, что это, вѣроятно, будетъ какая нибудь Мадонна фламандской школы, а я тѣшила себя надеждой увидѣть Альберта Дюрера или Голбейна. Но пресловутая картина оказалась самою отвратительною мазней, невозможнымъ портретомъ какого-то неизвѣстнаго разбойника.

Все, что я говорю о де-Прадтѣ, не мѣшаетъ мнѣ очень любить Францію, эту прелестную, остроумную страну, память о которой я такъ живо сохранила, и которую, быть можетъ, мнѣ никогда не суждено болѣе увидѣть. Еслибъ мнѣ пришлось сызнова начать то, что называется жизнью, я желала бы вторично родиться француженкой. Это не значитъ, что я отрекаюсь отъ своего отечества; Боже, меня избави; тѣмъ его судьба печальнѣе, тѣмъ оно должно быть дорожее его дѣтямъ; но еслибъ намъ предстоялъ выборъ, то не естественно ли стараться избѣгать обманчивыхъ и горькихъ разочарованiй.

XI.

Кампанія 1812 и 1813 годовъ.

Я буду говорить объ историческихъ событіяхъ, столько разъ описанныхъ извѣстными писателями, лишь насколько они касались Польши, и отмѣчу только произведенное ими впечатлѣніе на меня и окружающихъ лицъ.

Осенью вечера и банкеты во французскомъ посольствѣ приняли блестящій характеръ, и на нихъ стали ѣздить тѣмъ охотнѣе, что отъ г. де-Прадга узнавались столь нетерпѣливо ожидаемыя извѣстія. Если же курьеръ изъ арміи опаздывалъ, то никто не тревожился, а дѣло объясняли ненастною погодою и дурными дорогами. Вспоминая наши тогдашнія впечатлѣнія, я не могу достаточно удивляться нашему глушому, непонятному спокойствію. Де-Прадгъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобъ поддержать наши иллюзіи; курьеры изъ арміи къ императрицѣ направлялись прямо въ Берлинъ, а всѣ письма, отправленныя по почтѣ, регулярно задерживались. Повидимому, онъ взялъ себѣ девизомъ: обманывать и забавлять.

Наконецъ, извѣстія совершенно прекратились, и стало невозможнымъ долѣе скрывать истину, но де-Прадгъ, вѣрный своей роли, далъ еще послѣдній балъ, который походилъ скорѣе на похороны, чѣмъ на праздникъ. Хотя представитель Франціи очень любезно принималъ своихъ гостей, но всѣ шепотомъ сообщали другъ другу, что посольство получило приказъ укладывать вещи и готовиться въ путь.

Но чѣмъ менѣе мы ждали пораженія наполеоновской арміи, тѣмъ тяжелѣе отозвались въ Варшавѣ роковыя событія. На всѣхъ напелъ какой-то смертельный столбнякъ, и мы съ лихорадочнымъ страхомъ спрашивали другъ друга о судьбѣ дорогихъ намъ лицъ, находившихся въ арміи. Но дѣйствительность оказалась еще ужаснѣе нашихъ опасеній. Мы сразу узнали о такъ долго скрываемой катастрофѣ. Ослѣплявшая наши глаза, блестящая декорация рухнула, и мы поняли, что дальнѣйшая борьба была немыслима, что Наполеонъ потерялъ свое первенство на сѣверѣ Европы, и всѣ наши надежды исчезли.

10-го декабря было 24 градуса мороза, и мы, сиди у своего домашнего очага, оплакивали безуміе великаго человѣка, вздумавшаго бороться со стихіями, какъ вдругъ моего свекра таинственно потребовали во французское посольство. Мы всѣ подумали, что де-Прадгъ уѣзжалъ и хотѣлъ проститься, а потому ждали съ нетерпѣніемъ возвращенія графа Станислава Потоцкаго. Когда же онъ явился черезъ два часа, то оказалось, что его требовалъ не де-Прадгъ, а самъ императоръ Наполеонъ, который пожертвовалъ миллиономъ людей своему смѣлому капризу и возвратился одинъ, побѣжденный стихіей,

но нимало не убитый, даже не смущенный. Онъ не терялъ надежды, благодаря своему гению и громаднымъ средствамъ Франціи, удержать въ своихъ рукахъ ускользавшій у него скипетръ всемірной имперіи. Онъ говорилъ о совершившихся бѣдствіяхъ откровенно, не умаляя ихъ значенія и не скрывая ничего. Онъ сознавалъ свои ошибки, въ томъ числѣ чрезмѣрную вѣру въ свою звѣзду, которая до этой роковой катастрофы какъ бы повелѣвала стихіями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подробно указывалъ на свои шансы успѣха въ будущемъ, блестяще реанимировалъ политическое положеніе Европы и опредѣлялъ съ удивительною дальноворкостью тѣ изъ политическихъ теченій, которыя могли ему содѣйствовать, и тѣ, которыя были ему враждебны. Онъ не уничтожалъ нашихъ надеждъ, но настаивалъ на необходимости новыхъ усилій съ нашей стороны, обѣщалъ вернуться во главѣ новой арміи и сумѣлъ внушить слушающимъ его свою полную надежду энергію. Чарующее вліяніе этой необыкновенной личности было такъ громаднo, что мой свекоръ вернулся домой веселый, съ полною увѣренностью въ окончательный успѣхъ императора, а это былъ человѣкъ положительный, не поддававшійся никакимъ иллюзіямъ.

Но мы, не находившіеся подъ личнымъ вліяніемъ кудесника, были поражены, убиты. Мрачное настоящее насъ давило, а будущее казалось еще ужаснѣе. Между прочимъ, насъ очень удивляло, что Наполеонъ остановился не въ посольствѣ, а въ отелѣ Англія, гдѣ и обѣдалъ. Быть можетъ, онъ думалъ этимъ сохранить свое инкогнито, и, дѣйствительно, никто въ наполнявшей улицы толпѣ не узналъ его, хотя онъ вышелъ изъ экипажа у Пражскаго моста и прошелъ черезъ все Краковское предмѣстье, въ зеленой бархатной шубѣ и собольей шапкѣ. Его сопровождали только Коленкуръ и полковникъ графъ Вансовичъ, на вѣрность котораго онъ вполне могъ полагаться. Мамелюку Рустану было приказано остаться съ экипажемъ за мостомъ и явиться въ отель только въ сумерки, когда все будетъ готово къ отбѣду. Садясь за обѣдъ, Наполеонъ послалъ за де-Прадомъ и велѣлъ ему пригласить предсѣдателя совѣта министровъ и двухъ изъ послѣднихъ, Мостовскаго и Матусевича. Лошади были заказаны на почтѣ для Коленкура, и въ 9 часовъ вечера Наполеонъ выѣхалъ изъ Варшавы.

Впослѣдствіи мы узнали отъ полковника Вансовича, ѣхавшаго съ Коленкуромъ всю дорогу въ экипажѣ Наполеона, очень любопытный анекдотъ. Проѣзжая мимо Ловича, императоръ хотѣлъ заѣхать къ графинѣ Валевской, которая жила по сосѣдству въ своемъ замкѣ. Коленкуръ возсталъ противъ этого каприза, смѣло указывая на неприличіе такого легкомысленнаго поступка не только относительно императрицы, но и арміи, которую императоръ покинуть въ минуту пораженія. Наполеонъ надулся, но, спустя нѣсколько минутъ, выразилъ Коленкуру, еще разъ доказавшему свою преданность

и благоразуміе, насколько онъ любить и уважаетъ его, что дѣлало одинаковую честь имъ обоимъ.

Тотъ же Вансовичъ рассказывалъ интересныя подробности о прѣздѣ Наполеона въ Дрезденъ. Саксонскій король былъ единственный союзникъ, оставшійся ему вѣрнымъ, а потому онъ хотѣлъ поговорить съ нимъ о своихъ предполагаемыхъ военныхъ мѣрахъ. Прибывъ ночью къ г. де-Серру и не желая терять времени, онъ послалъ Вансовича во дворецъ съ приказаніемъ разбудить короля. Не только король, но всѣ во дворцѣ, даже часовые, спали, и посланный императора съ трудомъ проникъ до спальни короля, который, открывъ глаза, долго не могъ понять, что Наполеонъ, проѣзжая чрезъ городъ, желалъ его-видѣть. Наконецъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, онъ приказалъ одѣть себя и отвести въ домъ посланника въ паланкинѣ, такъ какъ королевскіе экипажи стояли въ отдаленномъ предмѣстьи, и потребовалось бы слишкомъ много времени на посылку за каретой. Рано утромъ распространилась вѣсть, что король исчезъ изъ дворца, весь городъ переполошился, и когда все объяснилось, то Наполеонъ уже катился по дорогѣ въ Парижъ.

Вскорѣ послѣ проѣзда черезъ Варшаву императора, начали появляться наши солдаты, въ лохмотьяхъ и даже въ женскихъ шубахъ. Послѣ всѣхъ прибылъ князь Понятовскій, который вывихнулъ себѣ ногу и ощущалъ ужасныя страданія при малѣйшемъ движеніи. Узнавъ о его прѣздѣ, я отправилась къ нему и нашла, что на его лицѣ выражались болѣе слѣды нравственныхъ мукъ, чѣмъ физическихъ. Онъ горько сожалѣлъ о гибели на его глазахъ прекрасной арміи и оплакивалъ смерть столькихъ храбрецовъ, принесенныхъ въ жертву легкомысліемъ великаго человѣка, которому онъ оставался вѣренъ, не смотря на все. Онъ, повидимому, не терялъ надежды, что меня очень удивило, такъ какъ онъ, идя на войну, принадлежалъ къ небольшому числу людей, сомнѣвавшихся въ успѣхѣ столь гигантской борьбы. По его словамъ, онъ не долженъ былъ остаться долго въ Варшавѣ, а, соединивъ остатки польской арміи, хотѣлъ заняться ея реорганизаціей.

Дѣйствительно, въ концѣ января, совершенно оправившись, князь Понятовскій отправился съ нашей арміей въ Краковъ. Прощаясь со мною, онъ былъ очень печаленъ, хотя думалъ не о себѣ, а о Наполеонѣ, гибель котораго онъ предвидѣлъ. Замѣтивъ слезы на моихъ глазахъ, онъ запретилъ мнѣ сожалѣть о немъ, если смерть застигнетъ его на полѣ брани.

— Я буду счастливъ,—прибавилъ онъ,—если смерть избавитъ меня отъ лицепрѣнія несчастій, которыя, вѣроятно, обрушатся на нашу бѣдную родину. Къ тому же, лучше умереть, чѣмъ дожить до старости.

Князь Понятовскій съ своими войсками еще не достигъ Кракова, какъ австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ передалъ Вар-

шаву русскому авангарду, подъ начальствомъ генерала Чаплица, который, въ качествѣ поляка, распространялъ прокламаціи своего государя, полныя соблазнительныхъ обѣщаній. Узнавъ о великодушныхъ намѣреніяхъ императора Александра, наши министры Матусевичъ, Мостовскій и Соболевскій, съ графомъ Замоицкимъ во главѣ, вступили съ эмиссарами русскаго правительства въ тайныя переговоры, за которыми слѣдилъ Вильзонъ, который, вернувшись изъ Вильны, получилъ приказаніе послѣдовать за Понятовскимъ въ Краковъ. Находясь подъ влияніемъ своихъ несбыточныхъ надеждъ, князь Адамъ Чарторыйскій не сомнѣвался въ намѣреніи Александра возвратить Польшѣ ея прежнее существованіе и считалъ своимъ долгомъ служить ему, не подозрѣвая, что старая русская партія возбудитъ непреодолимыя преграды къ осуществленію подобной попытки. Въ это время появляется на сцену Новосильцевъ, игравшій роковую роль въ исторіи Польши. Онъ прикинулся, что раздѣляетъ патріотическія надежды Чарторыйскаго и либеральныя стремленія Александра, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, успокаивалъ старую русскую партію въ несбыточности великодушныхъ идей молодого государя, а съ другой, тайно пользовался громаднымъ состояніемъ князя Чарторыйскаго для удвѣтворающагося развратныхъ наклонностей. Благодаря своимъ ловкимъ интригамъ, онъ былъ назначенъ членомъ временнаго правительства и сталъ разыгрывать большую роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ Польши.

Между тѣмъ князь Понятовскій дожидался со своимъ корпусомъ въ Краковѣ приказаній Наполеона. Александръ нашелъ эту минуту удобною, чтобъ отбить Польшу отъ Франціи, и предложилъ князю самыя выгодныя условія для нашей родины, но князь отвѣчалъ: «Я не приму никакихъ предложеній, какъ бы они ни были соблазнительны, если ихъ надо купить дѣною безчестія». Русскій агентъ удалился, не добившись ничего. Но Пруссія пошла еще дальше. Князь Антонъ Радзивиль, мужъ принцессы Луизы Прусской, двоюродной сестры короля, прибылъ въ Краковъ съ гайными порученіями. Онъ далъ князю Понятовскому, что наступила минута, когда онъ можетъ вступить на польскій престолъ, что это никого не удивитъ, такъ какъ королевская власть въ Польшѣ основана на выборномъ началѣ, и что исторія не упрекнетъ его, если, соединяя судьбу Польши съ своимъ справедливымъ самолюбіемъ, онъ покинетъ французскія знамена, когда представилась возможность развернуть свое собственное знамя. На эту рѣчь, испещренную самыми лестными похвалами, Понятовскій отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ, заявивъ, что подобное предложеніе его болѣе удивило, чѣмъ польстило.

— Я поклялся,—прибавилъ онъ,—что не отдѣлю судьбы моей родины отъ судьбы Наполеона, который одинъ протянулъ намъ руку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ попросилъ князя Радзивила уѣхать изъ

Кракова въ двадцать четыре часа и предупредилъ, что увѣдомить Виньона о случившемся.

Послѣ этого знаменательнаго событія, Наполеонъ сталъ питать къ Понятовскому особое довѣріе и возымѣлъ мысль сдѣлать его польскимъ королемъ, если это дозволить обстоятельства. Отчего онъ не началъ съ этого шага? По несчастію, недовѣріе и презрѣніе къ людямъ часто мѣшало Наполеону правильно судить о выдающихся личностяхъ.

Я читала письмо, въ которомъ дядя передавалъ свою интимную бесѣду съ Наполеономъ въ Дрезденѣ въ моментъ переговоровъ о мирѣ, который можно было тогда заключить на подходящихъ условіяхъ. Императоръ пожелалъ узнать мнѣніе Понятовскаго объ этомъ важномъ вопросѣ, и онъ сказалъ съ чисто солдатскою искренностью:

— Если, ваше величество, приказываете мнѣ высказать мое мнѣніе, то я полагаю, что теперь благоразумно заключить миръ, съ цѣлью впослѣдствіи начать войну при болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

— Можетъ быть, вы и не ошибаетесь,—отвѣчалъ Наполеонъ,—но я буду продолжать войну, чтобъ заключить болѣе благоприятный миръ. Будущее рѣшить, кто изъ насъ правъ.

13 апрѣля 1813 г. польская армія получила приказъ выступить въ походъ. Она прошла Богемію и сосредоточилась въ Цвитау, въ Саксоніи. Люценская и Бауценская битвы были освящены проблемами аустерлицкаго солнца, но Лейпцигское пораженіе подало сигналъ къ паденію колосса.

Императоръ засталъ Понятовскаго въ Делицѣ, изучилъ всѣ пункты, гдѣ непріятель могъ атаковать, и поручилъ полякамъ защиту важнѣйшей изъ этихъ позицій. Впродолженіе всего дня 16 октября они держались упорно, хотя съ гораздо меньшими силами, чѣмъ у непріятеля. За этотъ подвигъ Понятовскій получилъ маршальскій жезлъ. Вечеромъ 19-го императоръ позвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— Князь, вы будете защищать южное предмѣстье и прикрывать отступление.

— Государь, у меня осталось очень мало солдатъ,—отвѣчалъ Понятовскій, съ трудомъ скрывая печаль, возбуждаемую потерей наканунѣ трехъ четвертей его отряда.

— Ничего,—воскликнулъ императоръ,—семь тысячъ поляковъ подъ вашимъ начальствомъ стоятъ цѣлаго корпуса.

— Государь, мы всѣ готовы умереть.

Поляки прославили себя чудесами храбрости, но тѣ немногіе изъ нихъ, которые избѣгли непріятельскаго огня, погибли, благодаря взрыву Лейпцигскаго моста. Ихъ геройскій начальникъ, не желая попасть въ плѣнъ, бросился верхомъ въ рѣку; онъ не умѣлъ плавать, и одна его рука была на перевязи. Спусти мгновеніе онъ

исчезъ въ маленькомъ Ельцерѣ, который широко разлился отъ осеннихъ дождей.

— Богъ мнѣ вручилъ честь голяковъ, Богу я и отдаю ее.

Вотъ послѣднія слова князя Понятовскаго, и они вполне выражаютъ всю его жизнь.

Наполеону было очень трудно найти преемника князю Понятовскому, такъ какъ онъ не хотѣлъ распустить остатки польской арміи, которые при случаѣ могли ему понадобится. Его выборъ остановился на князѣ Сулковскомъ, который отличился въ Испаніи и напоминалъ ему другого Сулковскаго, участвовавшаго въ Египетской экспедиціи; но не смотря на свою личную храбрость, онъ не отличался ни военными способностями, ни возвышенными нравственными качествами. Человѣкъ очень богатый и нечестолюбивый, онъ думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе вернуться къ своей женѣ, тяготился долговременною, несчастною войной, не заботился о поддержаніи патриотическаго духа среди солдатъ и, наконецъ, не чувствуя себя на высотѣ своего призванія, подалъ въ отставку.

Его замѣстилъ Домбровский, нѣкогда организовавшій первые польскіе легіоны въ Италіи. Онъ перешелъ Рейнгъ у Майнца и остановился съ очень порѣдѣвшимъ отрядомъ въ Седанѣ, гдѣ къ нему присоединился адъютантъ императора, генералъ Флаго, посланный для комплектованія кадровъ. Съ большими усиліями было сформировано три полка, поступившіе подъ команду графа Пака, а Домбровский, больной и уже очень старый, остался въ Седанѣ, чтобъ реорганизовать пѣхоту. По случаю тяжелой раны, полученной подъ Краснымъ, храбрый Пакъ долженъ былъ удалиться, а Винцентъ Красинскій добился по декрету 4 апрѣля 1814 г., подписанному въ Фонтенебло, назначенія въ главнокомандующіе польскою арміей. Наши соотечественники тщетно просили дозволенія слѣдовать за Наполеономъ въ изгнаніе, и онъ, тронутый ихъ вѣрностью среди окружающей измѣны, выбралъ 80 поляковъ, подъ начальствомъ полковника Жермановскаго, которые и отправились на Эльбу.

Безпристрастіе— грустный долгъ всякаго пишущаго свои мемуары, когда рядомъ съ славными подвигами они должны обнаруживать ошибки и низости. Вообще характеръ поляковъ составляетъ смѣсь крайностей: или патриотизма, благородства и безкорыстія, или самолюбія, надменности и позировки. Красинскій отличался послѣдними качествами: мелочно самолюбивый, низкопоклонный, живой, онъ не останавливался ни передъ какими средствами для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Онъ, напримѣръ, заказалъ Горасу Верне картину, изображавшую его во время битвы при Само-Сьерра, хотя онъ въ ней не участвовалъ. Послѣ паденія Наполеона, онъ перешелъ на сторону Александра и былъ прозванъ «волонтеромъ низости».

Русскій императоръ поручилъ ему отвезти въ Польшу остатки нашей арміи и похоронить по дорогѣ князя Понятовскаго въ Лейп-

цигѣ. Я присутствовала съ моими дѣтьми при этихъ торжественныхъ похоронахъ. Тѣло покойнаго было однако только временно поставлено въ подземную часовню церкви Св. Креста, а впоследствии оно перенесено въ Краковъ и похоронено въ соборѣ, гдѣ покоятся польскіе короли и великіе люди.

По своему завѣщанію князь Понятовскій оставилъ мнѣ свое помѣстье Яблонку, и я впродолженіе десяти лѣтъ не брала ни гроша изъ доходовъ, посвящая ихъ всецѣло на украшеніе великолѣпнаго замка и парка. На дверяхъ въ бібліотеку, или, скорѣе, въ музей, я поставила слѣдующую надпись:

«Это убѣжище героя, украшенное моими стараніями, я передаю его потомкамъ».

ХП.

Русскіе въ Польшѣ.—Вѣнскій конгрессъ.—Пребываніе императора Александра въ Варшавѣ.

1815 г.

Находясь въ Вилановѣ у родителей моего мужа, я принимаюсь снова за свои мемуары и продолжаю рассказъ о томъ, что произошло въ Польшѣ послѣ отреченія Наполеона.

Императоръ Александръ принялъ поляковъ подъ свое покровительство и оказывалъ имъ въ Парижѣ самое лестное уваженіе. Узнавъ объ этомъ, генералъ Костюшко написалъ ему слѣдующее письмо:

«Государь, если изъ моего скромнаго убѣжища я смѣю обратиться къ великому монарху, который объявилъ себя покровителемъ челоѣчества, то лишь потому, что мнѣ хорошо извѣстно его великодушіе. Я начинаю съ просьбы о трехъ милостяхъ: во-первыхъ, о дарованіи общей амнистіи полякамъ, безъ всякихъ ограниченій, и отпущеніи на волю тѣхъ крестьянъ, которые служатъ въ иностранныхъ арміяхъ, какъ только они вернутся на родину; во-вторыхъ, о провозглашеніи вашего величества польскимъ королемъ, введеніи конституціи, въ родѣ той, которая существуетъ въ Англии, и учрежденіи на казенный счетъ школъ для образованія крестьянъ, а, въ-третьихъ, объ уничтоженіи крѣпостной зависимости крестьянъ въ десятилѣтній срокъ и предоставленіи имъ въ собственность той земли, которою они пользуются. Если мои мольбы будутъ услышаны, то, не смотря на мою болѣзнь, я лично явлюсь къ вамъ, чтобъ броситься къ ногамъ вашего величества, принести вамъ мою благодарность и отдать должную честь моему государю. Если мои слабыя способности могутъ еще принести пользу, то я немедленно отправлюсь на родину и буду служить ей и моему государю».

Александръ отвѣчалъ на это письмо, ловко выбравъ день 3 мая, годовщину конституціи 1791 г.

«Я съ большимъ удовольствіемъ, генераль, отвѣчаю на ваше письмо. Ваши желанія исполнены. Съ помощью Всемогущаго Бога, я надѣюсь возстановить храбрую и почтенную націю, къ которой вы принадлежите. Я торжественно обязался это сдѣлать и всегда заботился о благосостояніи вашей страны, а только политическія обстоятельства препятствовали осуществленію моихъ намѣреній. Теперь этихъ препятствій не существуетъ. Они уничтожены двумя годами страшной и славной борьбы. Еще нѣсколько времени, и поляки получатъ обратно свою родину и свое имя, а я буду имѣть счастье доказать имъ, что тотъ, кого они считали своимъ врагомъ, забывъ прошедшее, осуществить ихъ желанія. Я очень былъ бы радъ, генераль, если бы вы помогли мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Ваше имя, ваши достоинства, ваши таланты были бы для меня лучшей поддержкой. Примите, генераль, увѣреніе въ моемъ уваженіи».

Подобныя слова не допускали сомнѣнія въ намѣреніяхъ Александра; Костюшко отправился въ Парижъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Императоръ принялъ его такъ радушно, что даже поставилъ почетный караулъ къ отелю, въ которомъ онъ остановился. Принявъ предложенныя имъ услуги, онъ открылъ ему свой планъ и пригласилъ его ѣхать съ нимъ въ Вѣну, гдѣ судьба Польши должна была окончательно рѣшиться. Но оказалось, что намѣренія Александра не соответствовали патріотическимъ мечтамъ Костюшки, и послѣдній устранился, вернувшись съ печалью къ сердцѣ въ Швейцарію, гдѣ и умеръ, спустя нѣсколько лѣтъ. Поляки добились у императора дозволенія похоронить тѣло Костюшки въ Краковскомъ соборѣ и поставить ему памятникъ, на что потребовалось много денегъ и десять лѣтъ труда. Самъ Александръ первый подписался на листѣ пожертвованій, такъ какъ онъ отличался качествомъ, рѣдко встрѣчающимся въ государяхъ,—онъ понималъ возвышенныя чувства и не считалъ, что они набрасываютъ на него тѣнь.

Какъ только судьба нашей страны была рѣшена на Вѣскомъ конгрессѣ, императоръ Александръ принялъ титулъ польскаго короля. Желая придать національный характеръ правительству, онъ назначилъ совѣтъ, въ которомъ засѣдали между прочимъ князь Адамъ Чарторыйскій, Ваврецкій и князь Любецкій. Предсѣдателемъ былъ назначенъ русскій сенаторъ Ланской.

Новосильцевъ также былъ членомъ совѣта. Природа одарила этого человѣка уродливою внѣшностью, какъ бы желая предупредить его отталкивающею наружностью людей, которыхъ могла обмануть его двуличность. У него глаза были косые: однимъ онъ лъстилъ, а другимъ старался прочесть въ глубинѣ души всякаго. Князь Чарторыйскій представилъ его мнѣ и въ первое время сво-

его пребыванія въ Варшавѣ онъ часто бывалъ у меня, вѣроятно, желая узнать, что дѣлалось и говорилось въ моемъ салонѣ. Признаюсь, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я находилась подъ его чарующимъ вліяніемъ и вѣрила, что онъ преданъ нашимъ интересамъ; люди, опытивъ меня, попались на его удочку и не такъ скоро его раскусили. Побочный сынъ графа Строгонова, Новосильцевъ воспитывался за границей, долго жилъ въ Англіи и имѣлъ видъ настоящаго джентльмена. Его роковое вліяніе продолжалось въ Польшѣ двадцать лѣтъ; коварный и корыстный, онъ постоянно изобрѣталъ заговоры, чтобъ напугать правительство и выманить денегъ у несчастныхъ матерей, которыя откупали у него послѣдними грошами свободу и жизнь своихъ дѣтей, юныхъ студентовъ.

Устроившись въ Варшавѣ, Ланской выписалъ жену и дѣтей; не смотря на свой татарскій типъ и маленькіе китайскіе глаза, онъ отличался пріятнымъ лицомъ честнаго человѣка и дѣйствительно поражалъ своимъ благородствомъ. Но онъ вѣдь себя, какъ сатрапъ, и всѣ гостинныя въ занимаемомъ имъ Брюлевскомъ дворцѣ были пропитаны табачнымъ дымомъ отъ длиннаго чубука, который не выходилъ изъ его рта, даже при дамахъ. Предупрежденная объ этомъ, я въ первый свой визитъ подняла такой шумъ, жалясь на запахъ табаку, вѣроятно, проникавшій въ гостиную изъ солдатской караульни, что самъ Ланской не показывался съ своимъ чубукомъ и, говорятъ, впоследствии болѣе не курилъ въ гостинныхъ.

Ослѣпленный своими иллюзіями и полагая, что достигнуть цѣли всѣхъ своихъ усилій, князь Чарторыйскій поѣхалъ съ Александромъ на Вѣнскій конгрессъ. Тамъ возникла постоянная борьба между мечтами и дѣйствительностью. Вскорѣ убѣдившись, что намѣренія Александра не осуществляли, внушенные имъ, надежды, князь вступилъ въ интимную переписку съ лордами Греемъ и Голландомъ, доказывая имъ необходимость для спокойствія Европы, чтобъ независимая Польша служила оплотомъ цивилизаціи. Я видѣла эти письма въ копіяхъ, такъ какъ князь имѣлъ неосторожность довѣриться своему секретарю, а тотъ передавалъ копіи Новосильцеву, который впоследствии воспользовался ими, чтобъ подорвать вліяніе своего друга, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Александра. Зная близко Чарторыйскаго и цѣня его замѣчательныя способности, императоръ съ самаго открытія конгресса раздѣлялъ съ нимъ свои труды по организаціи Польши, но князь оставался вѣрнымъ интересамъ своей родины, и совершенно ошибались тѣ, которые подозрѣвали, что онъ работаетъ на себя.

Среди серьезныхъ политическихъ переговоровъ, Вѣнскій конгрессъ, по словамъ злыхъ языковъ, танцевалъ. Собравшіеся государи веселились, какъ мальчишки, освободившіеся отъ учительской ферулы. Они искренно забавлялись, и каждый изъ нихъ выбралъ

себѣ даму сердца. Александръ остановился на молодой княгинѣ Анспергъ, которая отличалась не красотой, а добродѣтелями. Прусскій король влюбился въ очаровательную Юлію Зичи, а остальные государи слѣдовали ихъ примѣрамъ и думали только объ удовольствіяхъ. Императоръ Францъ давалъ великолѣпные балы и праздники, среди которыхъ, въ особенности, надѣлалъ много шума историческій турниръ.

Среди подобныхъ забавъ дѣла шли очень медленно и вдругъ совершенно прекратились. Талейранъ получилъ извѣстіе о возвращеніи Наполеона съ Эльбы, и произошла общая паника. Дремавшій левъ проснулся. Всѣ потеряли головы, и знаменитый конгрессъ кончился преждевременными родами трактата 1815 года.

Этотъ трактатъ рѣшилъ судьбу Польши. Александръ былъ очень доволенъ, что всѣ державы, за исключеніемъ Пруссіи, стоявшія за независимость Польши, согласилась подъ давленіемъ паники, возбужденной возвращеніемъ Наполеона, на предоставленіе ему новыхъ четырехъ милліоновъ подданныхъ, и заявилъ, что спокойствіе Европы не позволяло въ ту минуту соединенія всѣхъ поляковъ въ одно самостоятельное государство, подчиненное ему, какъ королю польскому.

Курьеръ съ этимъ важнымъ извѣстіемъ прибылъ въ Варшаву вечеромъ, и Новосильцевъ, бравшій на себя инициативу во всемъ, рѣшилъ, что лучше всего довести объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія демонстраціей въ театрѣ, при крикахъ: «Да здравствуетъ король польскій!». Такъ и было сдѣлано, но публика, особенно въ ложахъ, не выразила никакого энтузіазма, потому что эта исторія имѣла характеръ комедіи, а главное, что наши надежды далеко не сбылись. Повидимому, совершилось великое событіе, но въ сущности наше положеніе мало измѣнилось, за исключеніемъ того, что намъ обѣщали конституцію, основанную на народномъ представительствѣ.

Конституционное правленіе, въ родѣ того, какое существовало въ Англии, было въ то время любимой мечтой Александра, и онъ игралъ въ конституцію, какъ дѣти играютъ въ жмурки. Лица, близкія къ нему, увѣряли, что его намѣренія шли гораздо далѣе его обѣщаній, но что онъ долженъ былъ дѣйствовать осторожно и медленно, такъ какъ его пристрастіе къ полякамъ возбуждало неудовольствіе среди русскихъ. Я не могу опровергать этого мнѣнія, но еслибъ Александръ искренно хотѣлъ воскресить Польшу, то онъ не поручилъ бы это дѣло своему брату Константину, зная, что его идеи и характеръ противорѣчили либеральнымъ намѣреніямъ императора. Какъ бы то ни было, 13-го мая онъ подписалъ основы конституціи для новаго королевства, и если-бъ эта хартія примѣнялась добросовѣстно, то Польша была бы довольнона, но въ день ея обнародованія мы, къ изумленію, увидѣли, что, пройдя черезъ руки Новосильцева, она потеряла нѣкоторыя статьи, тогда какъ другія были совершенно измѣнены.

Александръ явился въ Варшаву съ двойнымъ ореоломъ великодушнаго миротворца и благороднаго восстановителя Польши; его чарующія манеры и престижъ счастья придавали ему еще большую привлекательность. Наконецъ, онъ теперь не былъ юношей, какъ мы прежде его видѣли, а человѣкомъ во цвѣтѣ лѣтъ и славы.

Его приняли съ почтительнымъ, спокойнымъ уваженіемъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ энтузіазмомъ, который возбуждалъ Наполеонъ. Задолго до пріѣзда императора толковали о томъ, какой устроить ему приемъ: одни предлагали, чтобъ дамы въ костюмахъ древнихъ славянскихъ богинь встрѣтили его хлѣбомъ и солью, въ знакъ дружбы и союза, но эта слишкомъ театральная манифестація была отклонена; другіе хотѣли воскресить старинныя церемоніи, при избраніи польскихъ королевъ, но, по мнѣнію Новосильцева, не слѣдовало примѣшивать къ надеждамъ воспоминанія, а потому удовольствовались иллюминаціями и даровыми спектаклями.

Городъ устроилъ великолѣпный балъ въ залахъ Редута, соединеннаго съ Большимъ театромъ. Александръ пріѣхалъ въ мундирѣ польской арміи и въ лентѣ Вѣлаго Орла, словно забывая, что царствовалъ и надъ другими народами, онъ хотѣлъ возбудить въ насъ любовь и преданность къ своей особѣ. Его любезное обращеніе и доброе, великодушное лицо плѣнили всѣ сердца, и въ этотъ день, можетъ быть, Александръ, увлекшись искренностью возбужденныхъ имъ въ полякахъ чувствъ, дѣйствительно мечталъ о независимой Польшѣ.

На этомъ балу мы видѣли въ первый разъ великаго князя Константина, при исполненіи имъ обязанности флигель-адъютанта своего брата, при саблѣ, въ узкомъ, застѣгнутомъ доверху, мундирѣ: онъ не спускалъ глазъ съ императора и какъ бы радовался своей службѣ. Онъ не танцовалъ, а постоянно держался близъ дверей залы, чтобъ не пропустить удаленія своего государя. Проходя мимо, я позволила себѣ пошутить на его счетъ, и онъ отвѣчалъ самымъ серьезнымъ тономъ:

— Служба прежде всего, и даже самъ императоръ не можетъ заставить меня нарушить долгъ службы.

Вотъ, до чего доходила любовь великаго князя къ дисциплинѣ, и онъ дѣйствительно счелъ бы преступленіемъ, еслибъ, по просьбѣ брата, покинулъ хоть на минуту свой постъ. Для него разводъ равнялся полю брани, и, не отличаясь храбростью, онъ любилъ парады и маневры болѣе, чѣмъ настоящія военныя дѣйствія. Его чрезмѣрная строгость къ солдатамъ происходила столько же отъ природной жестокости, сколько и отъ того громаднаго значенія, которое онъ придавалъ всѣмъ мелочамъ. Все-таки, еслибъ Константинъ отличался характеромъ Александра, то онъ, въ концѣ концовъ, примирилъ бы съ собою поляковъ.

Пребываніе императора въ Варшавѣ обусловило значительныя

перемѣны въ администраціи королевства. Временное правительство было замѣнено постояннымъ. Ланской удалился, и такъ какъ армія имѣла своего начальника въ лицѣ великаго князя, то пришлось назначить намѣстника и министровъ. Въ числѣ послѣднихъ оказались почти всѣ лица, исполнявшія эту высокую должность при кратковременномъ существованіи герцогства Варшавскаго. Игнатій Соболевскій былъ сдѣланъ государственнымъ секретаремъ; Матусевичъ—министромъ финансовъ, Мостовскій — военнымъ, а мой свекоръ, графъ Станиславъ Потоцкій, министромъ народнаго просвѣщенія. Только портфель министра юстиціи достался челоуѣку новому—Фомѣ Вавржецкому, который служилъ въ Россіи и явился въ Варшаву, когда Александръ организовалъ временное правительство. Вообще всѣ министры были люди значительнаго ума и прекраснаго образованія, а ихъ незапятнанная репутація пробуждала самыя свѣтлыя надежды во всей націи, которая искренно рукоплескала выбору императора.

Но, по несчастью, онъ нашелъ нужнымъ, подобно Наполеону, наблюдать за дѣйствіями правительства, чрезъ посредство особаго представителя, принявшаго названіе императорскаго комиссара, и на этотъ постъ назначенъ Новосильцевъ. Въ сущности его служба должна была только состоять въ облегченіи сношеній между Польшею и Россіей, но, благодаря хитрости и ловкости, онъ проникъ въ верховный совѣтъ.

Все указывало на князя Адама Чарторыйскаго, какъ на достойнаго намѣстника: и его добродѣтели, и способности, и благородство характера, и дружба съ императоромъ. По всей вѣроятности, таково было и намѣненіе императора, но онъ уступилъ предрассудкамъ брата, который никогда не хотѣлъ подчиниться непонятному для него порядку вещей, и принесть въ жертву своего друга. Князь Чарторыйскій потерялъ всякое прямое вліяніе на дѣла, а сохранилъ только свое мѣсто въ сенатѣ и званіе попечителя Виленскаго университета. По мнѣнію великаго князя Константина, ненавидѣвшаго знатные польскіе роды, слѣдовало выбрать въ намѣстники невѣдомаго военнаго, который слѣпо исполнялъ бы всѣ данныя ему приказанія. Такимъ челоуѣкомъ оказался престарѣлый генералъ Заіончекъ, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія объ администраціи и отличавшійся слабымъ, нерѣшительнымъ характеромъ. Какъ вполнѣ правильно говорили, подобное назначеніе было выше его силъ и способностей. Онъ былъ выскочкой изъ солдатъ, служилъ Бонапарту еще во время египетской экспедиціи, хотя ничѣмъ себя не прославилъ, и вступилъ снова въ польскую армію, когда Наполеонъ ее преобразовалъ, и лишился ноги во время отступленія изъ Москвы, что залушило неблаговидные слухи о его двудличномъ поведеніи.

Жена генерала Заіончка заслуживаетъ занять мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ, и если исторія не занесетъ ее на свои страницы,*

то лица, близко знавшія ее, подобно мнѣ, должны засвидѣтельствовать, что она сумѣла съ достоинствомъ держать себя въ ея трудномъ положеніи. Она имѣла большое вліяніе на мужа и смѣло боролась съ его угодливостью передъ русскимъ правительствомъ, ради котораго онъ нарушалъ конституцію, такъ какъ, по его словамъ, онъ былъ всѣмъ обязанъ императору Александру и служилъ ему также преданно, какъ прежде Наполеону. Эта постоянная борьба причиняла частыя семейныя ссоры, но г-жа Заіончекъ говорила мужу такія правды, которыхъ никто другой не рѣшился бы сказать, и которыя не всегда оставались безъ результата.

Отличаясь удивительнымъ тактомъ, она держала высоко голову съ сильными міра сего, а съ нами вела себя очень скромно. Неожиданное возвышеніе нимало не измѣнило ея манеръ и отношеній къ людямъ. Происходя изъ семьи простолюдиновъ, она не прерывала связи съ своими родственниками и не выдвигала ихъ. Благородная и безкорыстная, она болѣе заботилась о сохраненіи чести мужа, чѣмъ о ихъ личныхъ интересахъ, и представляла странную смѣсь легкомысленной, кокетливой женщины и глубокомысленнаго, благороднаго государственнаго человѣка. Не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, она одѣвалась по послѣдней модѣ и постоянно заводила интрижки, не упуская однако никогда случая оказать услугу своему мужу.

XIII.

Открытіе польскаго сейма императоромъ Александромъ.— Свадьба великаго князя Константина.

1818—1820 г. г.

17-го марта 1818 года, Александръ открылъ въ Варшавѣ первый сеймъ, и вся Европа узнала съ восторженнымъ удивленіемъ о рѣчи, произнесенной имъ по этому случаю. Неограниченный государь даровалъ небольшой группѣ своихъ подданныхъ либеральныя учрежденія и обѣщалъ распространить ихъ и на остальную свою имперію.

«Съ Божіею помощью,—сказалъ онъ,—я намѣренъ распространить благотѣльное вліяніе этихъ учрежденій на всѣ страны, которыя поручены Провидѣніемъ моимъ попеченіямъ».

Вообще вся эта рѣчь была горячей апологіей конституціонныхъ порядковъ и дышала любовью къ свободѣ. Всѣ газеты вознесли до небесъ великодушнаго монарха, представившаго такой прекрасный примѣръ другимъ государямъ. Въ особенности, надѣялись въ Германіи, какъ въ странѣ, наиболѣе подготовленной къ введенію конституціи, что ея государи пойдутъ по указанному пути.

Польша преисполнилась довѣріемъ и приступила къ пользованію дарованными ей правами. Но дѣла пошли не такъ ладно, какъ мы надѣялись. Предсѣдателемъ сейма былъ назначенъ генералъ Красинскій, столь же преданный русскому правительству, какъ Заіончекъ. Одною изъ самыхъ любопытныхъ чертъ этого сейма было то обстоятельство, что великій князь Константинъ, имѣвшій право засѣдать въ сенатѣ, какъ членъ императорской семьи, предпочелъ сдѣлаться представителемъ народа и быть избранъ депутатомъ Пражскаго предіѣстья. Александръ согласился на это странное желаніе брата, и въ результатѣ получилось необыкновенное зрѣлище. Наслѣдникъ престола разыгрывалъ роль трибуна, защищавшаго народныя вольности. Пятнадцать лѣтъ продолжалась эта игра. Онъ очень рѣдко посѣщалъ палату, говорилъ въ ней только одинъ разъ, да и то пофранцузски, по вопросу о фуражѣ. Точно также онъ представилъ лишь одну петицію въ пользу своихъ избирателей, и, конечно, она была уважена императоромъ. Все свое участіе въ дѣлахъ палаты онъ ограничивалъ строгимъ наблюденіемъ за часовыми, разставленными въ корридорахъ парламента; однимъ словомъ, онъ болѣе исполнялъ обязанности солдата, чѣмъ депутата.

Изъ желанія ли угодить брату, или по семейной наклонности, Александръ, во время своего пребыванія въ Варшавѣ, ежедневно являлся на утренній разводъ и затѣмъ принимался за болѣе серьезныя занятія. Въ два часа онъ вторично покидалъ дворецъ и дѣлалъ визиты тѣмъ дамамъ, которымъ хотѣлъ оказать особенное вниманіе.

Однажды онъ заѣхалъ ко мнѣ, и я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы испросить у него разрѣшеніе на постановку конной статуи князя Понятовскаго на одной изъ городскихъ площадей. Я имѣла полное право на подобную просьбу, какъ близкая родственница и наслѣдница героя. Александръ очень любезно выразилъ свое согласіе и отозвался въ сочувственныхъ выраженіяхъ о благородныхъ качествахъ и геройской смерти князя. На слѣдующій день я получила официальное письмо отъ императора, который подтверждалъ свое согласіе и разрѣшалъ открыть подписку на памятникъ, инициативу которой взяла на себя польская армія, пожертвовавъ на это трехдневное жалованье. Означенное письмо Александра находится въ Вилановскомъ архивѣ, гдѣ оно сохраняется, какъ драгоценность.

Спустя нѣсколько времени, въ частной жизни великаго князя Константина наступила неожиданная пережѣна. Всѣ въ Варшавѣ начали замѣчать, что онъ часто посѣщаетъ домъ госпожи Броничъ, которая поселилась въ этомъ городѣ съ цѣлью воспитывать своихъ трехъ дочерей отъ перваго мужа, г. Грудзинскаго. Младшая изъ этихъ сестеръ Іоанна, или Жаннета, какъ наименѣе хорошенькая, мало обращала на себя вниманія. Маленькаго роста, хорошо сло-

женная, съ бѣлокурыми кудрями, свѣтло-голубыми глазами и граціозною фигурой, она походила на портретъ пастелью. Въ особенности она граціозно танцевала, и остряки говорили, что, танцую гавотъ, она проникла въ сердце великаго князя.

Мать молодой дѣвушки, польщенная ухаживаніемъ великаго князя, содѣйствовала ихъ свиданіямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, предметъ великокняжеской любви стали окружать обычные льстецы, искатели мѣстъ и пенсій, но она вела себя очень скромно, просто и благородно, принимая только любовь Константина и болѣе ничего. Она попрежнему одѣвалась наравнѣ со своими сестрами, и на ней никогда не было видно ни одного лишняго брильянта, по сравненію съ ними.

Прошли два года, и неожиданно распространилась вѣсть о свадьбѣ Иоанны Грузинской съ великимъ княземъ. Дѣйствительно, этотъ бракъ былъ совершенъ по ея требованію, согласно религіознымъ обрядамъ католической церкви и постановленіямъ Наполеоновскаго кодекса. Единственными свидѣтелями, кромѣ сестеръ и родственниковъ, были Новосильцевъ, въ качествѣ императорскаго комиссара, и докторъ госпожи Броничъ, Чекирскій.

Императоръ Александръ, не желая изъ уваженія къ своей матери предоставить ей титулъ великой княгини, подарилъ ей княжество Ловичъ, и она стала съ тѣхъ поръ называться княгиней Ловичъ.

Э п и л о г ъ.

Здѣсь кончаются мои записки, и если я буду писать еще чтонибудь, то лишь для того, чтобъ занести замѣчательные факты, оставшіеся въ моей памяти. Вѣдствія родины и мои личные несчастія отняли у меня всякое желаніе и возможность заниматься моими воспоминаніями. Мнѣ претитъ обвинять другихъ и оправдывать себя. Къ тому же «Исповѣдь» Руссо, которую я давно читала, служила мнѣ примѣромъ съ тѣхъ поръ, какъ я стала писать свои мемуары. Не смотря на его безспорный талантъ и удивительный стиль, онъ позволялъ себѣ много болтовни, и, въ своемъ чрезмѣрномъ самолюбіи, онъ полагалъ, что нѣкоторымъ людямъ дозволено быть на распахку относительно потомства, тогда какъ рѣдко потомство относится съ сочувствіемъ къ тѣмъ, которые думаютъ заинтересовать его личностями.

Страшное и грустное чувство ощущаешь, бросая внимательный взглядъ на прошедшее, послѣ долговременной жизни. Сколько событій, казавшихся намъ важными, преданы забвенію; сколько самолюбіи оказались мертворожденными, сколько надеждъ не сбылось, сколько сожалѣній сгладились, сколько восторговъ охладилось. Сколько значенія придавалось мелочнымъ интересамъ, улетучившимся безъ

всякаго слѣда. Сколько личностей нечело: одни преждевременно, другіе послѣ долгой, печальной карьеры. Сколько дѣйствій, сколько именъ, которыя, казалось, заслуживали безсмертія, поглощено въ безднѣ, гдѣ все скрывается, тогда какъ, напротивъ, память о менѣе достойныхъ людяхъ сохранилась только потому, что они приняли участіе въ великихъ событіяхъ. И какъ вспомнишь, что сама присутствовала при этихъ драмахъ, что сама участвовала въ общей скачкѣ, имѣвшей цѣлью ту же бездну, поглотившую столько радостей, столько горя!..

Достигнувъ почти конца жизни, сдѣлались ли мы мудрѣе, лучше ли вооружены противъ несчастій и болѣе ли покорны судьбѣ? Увы, человекъ перестаетъ страдать и надѣяться лишь съ послѣднимъ своимъ дыханіемъ. Года только измѣняютъ характеръ впечатлѣній, нимало не уничтожая ихъ.

